

Д-ръ КАРЛЪ АБРАГАМЪ.

Абрамъ.

СОНЪ
и МИОЪ.

К-ВО „СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ“.

К-ВО „СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ“. МОСКВА.

АВГУСТЪ СТРИНДБЕРГЪ.

Полное собраніе сочиненій. 15 томовъ.

Томъ	Цѣна.
1 Исповѣдь глупца. Ром. 3-е изд.	—
2 Адъ. Романъ. Съ предисл. В. М. Фриче. 2-е изданіе.	1.—
3 На шхерахъ. Романъ. 2-е изд.	1.—
4 Утопія въ дѣйствительности. Новвелы. 2-е изданіе.	1.—
5 Красная комната. Очерки изъ жизни художн. и писателей.	1.25
6 Чандала. Романъ.	1.—
7 Готическія комнаты. Ром. 2-е изд.	1.—
8 Сынъ служанки. Ром. 2-е изд.	1.50
9 Историческія драмы.	1.25
10 Трагикомедія брака 2-е изд.	1.25
11 Романтический пономарь. Разрывъ. Повѣсти.	1.—
12 1) Легенды 2) Графиня Юлія.	1.—
13 Развитие одной души. Романъ. Мастеръ Улофъ. Драма.	1.25
14 Пляска смерти. Одиночество. Самумъ. Отецъ.	1.25
15 Черныя знамена. Ром.	1.25

изъ отзывовъ печати.

„Переводъ произведеній Стриндберга, несомнѣнно, обогатитъ русскихъ читателей знакомствомъ съ яркимъ и своеобразнымъ талантомъ. Стриндбергъ всегда силенъ и оригиналенъ“. *„Совр. Миръ“.*

ДЖОРЖЪ МЕРЕДИТЪ.

Полное собраніе сочиненій.

Томъ	Цѣна.
1 Эгоистъ. Романъ ч. I.	1.25
2 Эгоистъ. Ром. ч. II.	1.25

Главное творчество Мередита и своеобразность его психологическаго метода обеспечиваютъ ему первенствующее мѣсто въ современной англійской беллетристикѣ. *Зин. Венгерова.*

ГУСТАВЪ афъ-ГЕЙЕРСТАМЪ.

Полное собраніе сочиненій. 13 томовъ.

Томъ	Цѣна.
1 Комедія брака. Ром. 3-е изд. Съ вст. ст. Ю. А. Веселовскаго.	1.—
2 Роковыя силы. Романъ.	1.25
3 Голова медузы. Романъ.	1.—
4 1) Вѣчная загадка. 2) Маленькій Свенъ. Два ром.	1.25
5 Власть женщины. Романъ 2-е изд.	1.—
6 Трагедія одной жизни. Романъ.	1.—
7 Мать и сынъ. Романъ.	1.—
8 Въ туманѣ жизни. Романъ.	1.—
9 Мечты и дѣйствительность. Ром.	1.—
10, 11, 12, и 13. (гот. къ печ.)	—

изъ отзывовъ печати.

„Это одинъ изъ самыхъ яркихъ, проницательныхъ и чуткихъ беллетристовъ-психологовъ современной шведской литературы.“

Юрій Веселовскій.

ЖОРЖЪ ЭКОУТЪ.

Полное собраніе сочиненій. 5 томовъ.

Переводъ съ французскаго, разрѣшен. автор.

Томъ	Цѣна.
1 Изъ міра „Бывш. людей“. ром.	1.—
2 Жажда любви. Романъ.	1.—
3 Защитникъ бездомныхъ. Ром.	1.25
4 Замокъ Эскаль-Вигоръ. Ром.	1.—

изъ отзывовъ печати.

„Жоржа Экута я охотно назвалъ бы бельгійскимъ Горькимъ, настолько онъ рѣзокъ и мучительно правдивъ въ своихъ разсказахъ.“ *Иванъ Жилькенъ.*

БЪЕРНСТЪБЕРНЕ-БЪЕРНСОНЪ.

Собраніе сочиненій. 10 томовъ.

Томъ	Цѣна.
1 1) Сюнневе Сольбаккенъ (Пов.) 2) Когда цвѣтетъ молодой виноградъ. (Комедія).	1.—
2 1) Одинъ день. 2) Волосы Авессалома. 3) Перчатка.	1.—
3 Рыбачка. Романъ.	1.—
4 Единобрачіе и многобрачіе. Марія Шотландская. Банкротство.	1.25
5 Новобрачн. Леонарда Арне.	1.—
6 Молодая жизнь. Ром.	1.—

изъ отзывовъ печати.

„Для русскаго образованнаго общества Бьернсонъ особенно интересенъ своими положительными типами. т.-е. какъ разъ тѣмъ, чего у насъ нѣтъ. Тѣмъ, чего наши даже самые выдающіеся писатели никакъ не могутъ создать, несмотря на всѣ свои старанія.“

Д. Горюхоуцкій. („Р. Сл.).

ТОМАСЪ ГАРДИ.

Собраніе сочиненій.

Томъ	Цѣна.
1 Настоящая женщина Ром. ч. I-я.	1.25
2 Настоящая женщина Ром. ч. II-я.	1.25

ТОМАСЪ МАННЪ.

Полное собраніе сочиненій. 5 томовъ.

Томъ	Цѣна.
1 Фиоренца. Фридеманъ. Жажда счастья.	1.—
2 Новеллы.	1.—
3 Семейство Будденброокъ. романъ.	1.25
4 Паденіе одной семьи. Романъ.	1.25

изъ отзывовъ печати.

„Томасъ Маннъ, идя вслѣдъ за Фр. Ницше, является единственнымъ развившимся въ могучую „законченную величину“.

А. В. Милославский
Архив. 1978.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ“.

А. В. Милославский
Самост. рукопись
из К. П.
Д-ръ КАРЛЪ АБРАГАМЪ.

СОНЪ и МИОЪ.

ОЧЕРКЪ НАРОДНОЙ ПСИХОЛОГИИ.

Переводъ съ нѣмецкаго

МИХ. КАДИШЪ.

МОСКВА. — 1912.

INTERNATIONAL
PSYCHOANALYTIC
UNIVERSITY BERLIN

МОСКВА.

Типографія Торгового Дома „Мысль“, Петровка, 17
1912.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

- 1/ Объекты и принципы психологической теоріи Фрейда 3 стр.
- 2/ Дѣтская фантазія въ сновидѣніи и мифѣ. Перенесеніе теоріи осуществленія на мифъ ... 8 стр.
- 3/ Символика въ рѣчи, сновидѣніяхъ и другихъ созданіяхъ фантазіи 20 стр.
- 4/ Анализъ мифа о Прометѣѣ 42 стр.
- 5/ Инфантилизмъ въ индивидуальной и народной психологіи. Осуществленіе желаній во снѣ и въ мифѣ 50 стр.
- 6/ Дѣйствіе цензуры въ сновидѣніи и въ мифѣ 67 стр.
- 7/ Отодвиганіе и вторичная переработка въ сновидѣніяхъ и въ мифѣ 71 стр.

н/о.

- 8/ Процессъ передвижанія въ мифѣ
о Прометѣѣ и въ библейскихъ
сказаніяхъ о Моисеѣ и Сам-
сонѣ 76 стр.
- 9/ Средства изображенія въ мифѣ84 стр.
- 10/ Осуществленіе желаній въ ми-
фѣ о Прометѣѣ 88 стр.
- 11/ Анализъ мифа о происхожде-
ніи напитка 96 стр.
- 12/ Теорія осуществленія жела-
нія въ мифѣ 104 стр.
- 13/ Силы, обусловливающія душев-
ную жизнь индивидуума и мас-
сы III стр.

I.

Объекты и принципы психоаналитической теории Фрейда.

Психологическія теории, связанныя съ именемъ З. Фрейда, простираются на цѣлый рядъ областей душевной жизни человѣка, имѣющихъ на первый взглядъ весьма мало общаго между собой. Въ написанномъ совместно съ І. Брейеромъ „Исслѣдованіи истеріи“ (1895) Фрейдъ исходилъ изъ патологическихъ психическихъ явленій. Прогрессирующее развитіе психоаналитическаго метода требовало тщательнаго изученія *сновидѣній*¹⁾. Въ дальнѣйшемъ оказалось, что для полнаго уразумѣнія этихъ феноменовъ необходимо сравнительное изученіе нѣкоторыхъ другихъ. Фрейдъ понялъ необходимость включать въ сферу своихъ

¹⁾ „Толкованіе сновидѣнія“, Лейпцигъ, 1900.

изслѣдованій все новыя и новыя области нормальной и патологической душевной жизни. Такъ возникали его работы объ истеріи, навязчивыхъ идеяхъ и другихъ психическихъ аномаліяхъ, его монографія объ остроуміи (1905), „Очерки сексуальной теоріи“ (1905) и, наконецъ, психологическій анализъ одного поэтического произведенія¹⁾. Фрейдъ старается разсматривать всѣ эти, повидимому, гетерогенные продукты человѣческой психики съ одной и той же точки зрѣнія. Всѣмъ имъ обща связь съ бессознательнымъ, съ душевной жизнью ребенка и съ сексуальностью; обща имъ тенденція изобразить желаніе индивидуума осуществленнымъ; общи имъ и средства изображенія, которыми они пользуются для этихъ цѣлей.

Незнакомый съ трудами Фрейда и его сторонниковъ удивится,—какъ можно серьезно объединять всѣ эти явленія одной и той же точкой зрѣнія. Онъ спроситъ, какое отношеніе къ бессознательному имѣетъ остроуміе. Онъ будетъ недоумѣвать, почему въ болѣзни можетъ заключаться осуществленіе воли больного, страдающаго отъ нея. Онъ не пойметъ, какая связь можетъ быть между снами взрослого и психикой ребенка. Онъ будетъ протестовать особенно энергично противъ припи-

¹⁾ „Фантазія и сонъ въ „Градивѣ“ В. Гензена“. Вѣна, 1907.

сыванія всѣмъ этимъ психологическимъ феноменамъ связи съ сексуальностью. Теоріи, выставленныя Фрейдомъ, кажутся полными противорѣчій и абсурда: съ перваго взгляда, онѣ безъ всякой провѣрки и критики объединяють случайныя явленія, не имѣющія между собой ничего общаго. Въ виду этого наблюдается нерѣдко желаніе *a limine* отвергнуть и тотъ методъ, при помощи котораго достигнуты вышеуказанные результаты ¹⁾.

Если бы я вздумалъ отвѣчать здѣсь на всѣ эти нападки, то не могъ бы избѣгнуть подробнаго изложенія всей теоріи Фрейда и долженъ былъ бы выйти значительно изъ рамокъ настоящаго очерка. Въ дальнѣйшемъ мнѣ придется коснуться большинства тѣхъ важнѣйшихъ проблемъ, которымъ Фрейдъ посвятилъ свои труды. Пока же я ограничусь слѣдующими указаніями: всѣ психическіе феномены, сопоставленные только что нами, суть продукты человѣческой фантазіи. Тотъ фактъ, что они, какъ таковые, обнаруживаютъ между собой большую ана-

¹⁾ Такова приблизительно точка зрѣнія, занимаемая медицинской наукой по отношенію къ ученіямъ Фрейда. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что эти ученія должны казаться каждому непосвященному на первыхъ порахъ очень странными. Между ними и традиціонной психологіей лежитъ широкая пропасть. Но это не даетъ еще права отдѣливаться пожатіемъ плечъ или рпезрительными остротами, какъ это дѣлаетъ критика.

логію, во всякомъ случаѣ не можетъ быть отрицаемъ.

Но, кромѣ продуктовъ индивидуальной фантазіи, имѣются еще и другіе, которые отнюдь нельзя приписать фантазіи отдѣльнаго человѣка. Сейчасъ я удовольствуюсь тѣмъ, что упомяну въ качествѣ такихъ феноменовъ мифы и сказки. Мы не знаемъ, кто создалъ ихъ, кто первый ихъ рассказалъ. Они передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе и испытали при этомъ самыя разнообразныя измѣненія и добавленія. Въ сказаніяхъ, книгахъ и сказкахъ находить свое выраженіе фантазія народа. Фрейдъ до нѣкоторой степени посвятилъ свое изслѣдованіе и имъ и установилъ психологическую аналогію между ними и продуктами индивидуальной фантазіи. Недавно по его слѣдамъ пошелъ еще одинъ ученый. Риклинъ ¹⁾ произвелъ психологическій анализъ сказокъ различныхъ народовъ. Мой очеркъ представляетъ собою попытку сопоставить мифъ съ феноменами индивидуальной психологіи, главнымъ образомъ, со сномъ. Онъ долженъ послужить доказательствомъ

¹⁾ Трудъ Реклина „Волеосуществленіе и символика въ сказкахъ“ вышелъ послѣ окончанія настоящаго очерка. Я руководствуюсь его краткимъ сообщеніемъ въ „Психіатрическо-неврологическомъ еженедѣльникѣ“, 1907 г.

того, что ученія Фрейда можно примѣнить въ широкой масштабѣ къ психологіи міеа. Даже больше: съ ихъ помощью можно создать совершенно новую почву для толкованія различныхъ сказаній ¹⁾.

¹⁾ Послѣ окончанія моего очерка появилась въ свѣтъ и новая статья Фрейда „Поэтъ и фантазія“ въ сжатой формѣ отражающая основную мысль моей работы.

II.

Дѣтская фантазія въ сновидѣніи и въ миѣѣ. Перенесеніе теоріи осуществленія желаній на миѣѣ.

Прежде всего я попытаюсь предупредить всѣ возраженія принципиальнаго характера, которыя могутъ быть приведены противъ поставленной мною задачи. Мнѣ возражать, что миѣѣ возникаетъ изъ фантазіи, работающей въ состояніи бодрствованія, между тѣмъ какъ сновидѣніе обязано своимъ возникновенію сну, пониженному состоянію сознанія. Ближайшее разсмотрѣніе показываетъ намъ однако, что принципиальнаго различія тутъ нѣтъ никакого. Мы грезимъ не только во снѣ; мы грезимъ и наяву. Въ этихъ сновидѣніяхъ наяву мы переносимъ себя въ не дѣйствительную ситуацію и формируемъ весь міръ и наше будущее согласно нашимъ желаніямъ. Въ дальнѣйшемъ окажется, что та же тенденція присуща и ночнымъ сновидѣніямъ. Многие люди въ высокой степени склонны къ сновидѣніямъ наяву. Незамѣтные переходы возбуждаютъ болѣзненную дѣятельность фантазіи. Особенно охотно предаются этимъ грезамъ, имѣющимъ характеръ сновидѣній, дѣти. Мальчикъ въ своихъ грезахъ превращается въ могущественнаго короля и одерживаетъ кровопролитныя побѣды или же воображаетъ себя вождемъ ин-

дѣйскаго племени, или еще кѣмъ-нибудь. Патологическая степень сновидѣній наяву тоже не рѣдкость у дѣтей. Уже изъ этого мы видимъ, что между грезами наяву и сновидѣніями нельзя провести рѣзкой границы. Но мы знаемъ также изъ изслѣдованій Фрейда, что сновидѣнія образуются не во снѣ, а предварительно, въ состояніи бодрствованія. Во снѣ они только облекаются въ форму, отличную отъ той, въ которую мы привыкли облекать свои мысли.

Другое возраженіе, имѣющее точно также лишь видимую основательность, можетъ послужить намъ исходнымъ пунктомъ для нашихъ дальнѣйшихъ соображеній. Намъ могутъ указать на то, что сновидѣніе есть индивидуальный продуктъ, между тѣмъ какъ въ миоѣ отражается, такъ сказать, общій духъ народа. И аналогія въ виду этого будетъ признана неудачной. Опровергнуть это возраженіе чрезвычайно легко. Если сновидѣніе и образуется изъ движеній психики индивидуума, то есть такія движенія, которыя общи всѣмъ людямъ. Послѣднія и находятъ свое выраженіе въ тѣхъ „типическихъ“ сновидѣніяхъ, о которыхъ говоритъ Фрейдъ. Фрейдъ удалось, свести эту группу сновидѣній къ нѣкоторымъ, общимъ всѣмъ людямъ, желаніямъ и въ то же время доказать, что эти желанія положены въ основу нѣко-

торыхъ мнѣовъ. Фрейдовское изслѣдованіе типическихъ сновъ и можетъ послужить поэтому базисомъ для нашего разсмотрѣнія. Но и помимо этого для нашей цѣли чрезвычайно важно взять исходнымъ пунктомъ анализъ типическихъ сновидѣній. Они дадутъ намъ возможность перейти непосредственно къ теоріи желаній. Кромѣ того, они въ нѣкоторомъ отношеніи, какъ мы увидимъ ниже, представляютъ собой болѣе простыя явленія, нежели большинство другихъ сновидѣній ¹⁾.

По теоріи Фрейда въ основѣ cadaго сна лежитъ желаніе, отодвинутое въ сферу безсознательнаго. У cadaго человека бываютъ переживанія, о которыхъ потомъ онъ не можетъ вспоминать безъ непріятнаго чувства. Онъ старается вычеркнуть ихъ изъ своего сознанія. Изгладить ихъ совершенно изъ памяти онъ не можетъ; онъ можетъ только отодвинуть ихъ въ сферу безсознательнаго. Отодвинутыя воспоминанія и связанныя съ ними желанія, повидимому, забываются; иначе говоря, они устраняются изъ памяти. Но какъ только функціи созна-

¹⁾ Еще одно, повидимому, очень основательное возраженіе противъ нашего сопоставленія сна и мнѣа: мнѣа создаются постепенно, на протяженіи многихъ поколѣній, — сновидѣнія же представляютъ собою мимолетное явленіе. Аргументъ этотъ будетъ опровергнутъ нами въ дальнѣйшемъ изложеніи.

ніа почему-либо нарушаются, какъ только мѣсто логически стройнаго мышленія занимаетъ фантазіа, что имѣетъ мѣсто при грезахъ наяву, во снѣ и при различныхъ патологическихъ ситуаціяхъ, такъ сейчасъ же отодвинутый психическій матеріалъ снова выходитъ наружу. Въ сновидѣніяхъ и при симптомахъ нѣкоторыхъ психическихъ расстройствъ отодвинутыя желанія снова приобрѣтають силу. Ихъ когда-то желанное, но неосуществившееся исполненіе воплощается въ фантазіи. Что существенная часть такихъ отодвинутыхъ желаній относится къ дѣтству,—это фактъ, установленный Фрейдомъ; къ нему мы еще вернемся немного позже. Сейчасъ же достаточно установить только то, что по мнѣнію Фрейда сонъ представляетъ собою осуществленіе отодвинутаго желанія и что глубочайшіе корни этого желанія таятся въ дѣтствѣ видящаго сонъ.

Для типическихъ сновидѣній, по мнѣнію Фрейда, чрезвычайно важно ихъ происхожденіе отъ дѣтскихъ воспоминаній. Очень характерны въ этомъ отношеніи тѣ сновидѣнія, въ которыхъ изображается смерть близкихъ людей. Эти сновидѣнія на первый взглядъ прямо противорѣчатъ, повидимому, утвержденію Фрейда, будто они содержатъ въ себѣ осуществленіе желанія субъекта. Вѣдь каждый, кому приснится вдругъ кончина близкаго

ему человѣка, котораго онъ любитъ, будетъ энергично протестовать противъ утвержденія, будто онъ хотѣлъ этой смерти и его затаенное желаніе нашло себѣ выраженіе въ сновидѣніи. Онъ скажетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что сновидѣніе это сопровождалось для него тягостнымъ чувствомъ, страхомъ и ужасомъ и потому выражало скорѣе опасеніе,—во всякомъ же случаѣ не желаніе.

Но теорія не говоритъ вовсе только объ активныхъ желанійхъ, — она подчеркиваетъ умышленно лишь значеніе раннихъ переживаній дѣтства. Если поэтому субъектъ видитъ во снѣ кончину любимаго имъ близкаго, то изъ этого еще по теоріи Фрейда отнюдь не слѣдуетъ, что у субъекта подобное желаніе имѣется сей часъ; вполне достаточно, если онъ имѣлъ его когда-нибудь, хотя бы и очень давно.

Ребенку до извѣстнаго возраста чужды какія бы то ни было альтруистическія побужденія. Онъ живетъ въ наивномъ эгоизмѣ. Было бы очень ошибочно полагать, что чувства ребенка къ его родителямъ, братьямъ и сестрамъ съ самаго начала преисполнены симпатіей и любовью. Наоборотъ, между братьями и сестрами наблюдается постоянно извѣстное соперничество. Единственный ребенокъ обнаруживаетъ явную ревность, когда рождается второй и когда за этимъ вторымъ вслѣдствіе

его безпомощности начинают любовно ухаживать. Вполнѣ въ порядкѣ вещей, что старшій ни за что не уступить лакомства младшему, что онъ начинаетъ ревновать, когда видитъ, что новорожденный сидитъ на рукахъ у матери, тамъ, гдѣ было до сихъ поръ его мѣсто. Онъ не даетъ ему своихъ игрушекъ, выдвигаетъ свои хорошія качества, когда говоритъ о младшемъ со взрослыми. Младшій, подрастая, реагируетъ на это точно такъ же эгоистично. Онъ видитъ въ старшемъ угнетателя и старается быть насколько болѣе возможно самостоятельнымъ. При нормальныхъ условіяхъ конфликтъ этотъ постепенно сглаживается. Но совсѣмъ уничтожить его невозможно никакими педагогическими мѣрами.

Эти враждебные импульсы одного ребенка по отношенію къ другому находятъ свое выраженіе въ желаніи, чтобы другой умеръ. На это возразятъ, конечно, что ребенокъ не можетъ быть такимъ „злымъ“ и желать другому смерти. „Кто говоритъ такъ, тотъ забываетъ, что представленіе ребенка о „смерти“ не имѣетъ почти ничего общаго съ нашимъ понятіемъ о ней“ (Фрейдъ). Ребенокъ не имѣетъ яснаго представленія, что такое смерть человѣка. Онъ слышитъ, быть можетъ, что тотъ или другой родственникъ умираетъ, что онъ мертвъ. Для ребенка это значитъ только:

этого человѣка нѣтъ больше. Повседневныя наблюденія показываютъ намъ, какъ скоро ребенокъ утѣшается въ отсутствіи даже самаго любимаго человѣка. Онъ простираетъ, можетъ быть, ручки въ томъ направленіи, куда ушла мать, плачетъ немного,—но потомъ утѣшается игрушками или лакомствомъ и не вспоминаетъ больше объ ушедшей. Даже въ болѣе старшемъ возрастѣ дѣти съ нормальной психической конституціей легко переносятъ разлуку. Въ раннемъ возрастѣ ребенокъ идентифицируетъ смерть съ отсутствіемъ. Онъ не можетъ себѣ даже представить, чтобы человѣкъ, о смерти котораго ему рассказываютъ, совсѣмъ не вернулся бы. Теперь понятно, какъ можетъ ребенокъ выполнѣ невинно желать смерти другого (или еще какого-нибудь лица). Другой—его конкурентъ; если его не будетъ, не будетъ и повода къ конкуренціи и къ ревности.

Между братомъ и сестрой это соперничество легче сглаживается, чѣмъ между двумя дѣтьми одинаковаго пола,—сглаживается благодаря половому влеченію. Но къ этому вопросу мы еще вернемся нѣсколько ниже.

Возникаетъ, однако, новое противорѣчіе, если мы съ вышеуказанной точки зрѣнія взглянемъ на отношеніе ребенка къ родителямъ. Какъ можно допустить, чтобы ребенокъ желалъ отцу или матери смерти? Это въ край-

немъ случаѣ возможно только тогда, когда ребенокъ истязуется родителями. Но вѣдь, скажутъ,—это, къ счастью, единичные случаи, обобщать которые мы не имѣемъ права.

Сновидѣнія, рисующія смерть отца или матери, содержатъ въ себѣ желаемое объясненіе. Фрейдъ указываетъ на то, „что сновидѣнія о смерти родителей въ громадномъ большинствѣ случаевъ касаются тѣхъ изъ нихъ, у кого одинаковый полъ съ грезящимъ субъектомъ. Мужчинѣ почти всегда снится смерть отца, женщинѣ — смерть матери“. Фрейдъ объясняетъ это явленіе отчасти преждевременной сексуальной склонностью сына къ матери, дочери къ отцу. Изъ этой склонности происходитъ нѣкоторое соперничество между сыномъ и отцомъ изъ-за любви матери и между дочерью и матерью изъ-за любви отца. Сынъ рано или поздно возстаетъ противъ *patria potestas*, въ однихъ случаяхъ открыто, въ другихъ—затаенно. Въ то же самое время отецъ бережетъ эту свою власть по отношенію къ подрастающему сыну. Аналогичныя отношенія существуютъ между матерью и дочерью. Какъ ни смягчаетъ, какъ ни сглаживаетъ культурный человѣкъ это соперничество почитаніемъ родителей и любовью къ дѣтямъ, совершенно стереть слѣды его онъ не въ состояннн. Въ лучшемъ случаѣ они отодвигаются въ сферу безсозна-

тельного. И именно тогда-то и находятъ свое выраженіе въ сновидѣніяхъ. Дѣти, расположенныя къ нервнымъ или психическимъ заболѣваніямъ, обнаруживаютъ очень рано преувеличенную любовь или, наоборотъ, чрезмерную антипатію къ родителямъ или къ одному изъ нихъ. Въ ихъ сновидѣніяхъ эти тенденціи обнаруживаются особенно сильно, но не менѣе и въ симптомахъ ихъ позднѣйшей болѣзни. Фрейдъ даетъ очень характерные примѣры этого рода¹⁾. Онъ рассказываетъ, между прочимъ, объ одной душевно больной дѣвушкѣ, которая обнаруживала рѣзко выраженную антипатію къ своей матери. Когда ея сознаніе нѣсколько прояснилось, ей начала сниться смерть матери. Въ концѣ концовъ она перестала довольствоваться отодвиганіемъ своего чувства къ матери въ сферу безсознательнаго и перешла къ перевоплощенію этого чувства въ фобію, т.-е. въ болѣзненный страхъ, что съ матерью можетъ что-нибудь случиться. По мѣрѣ того, какъ больная приходила въ нормальное состояніе, ея антипатія все больше переходила въ преувеличенную заботу о благополучіи матери. Я самъ недавно наблюдалъ аналогичный этому случай.

Въ заключеніе нужно добавить, что сно-

¹⁾ „Толкованіе сновидѣнія“, стр. 179 сл.

видѣнія взрослыхъ нерѣдко содержать въ себѣ смерть ребенка. Беременные женщины, страдающія отъ своего положенія, видятъ во снѣ абортъ. Отцамъ или матерямъ, въ бодрствующемъ состояніи нѣжно любящимъ своего ребенка, снится при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, что онъ умеръ, напр., когда личность его препятствуетъ достиженію какой-либо цѣли.

Типическіе сны заключаютъ такимъ образомъ въ себѣ желанія, отчета въ которыхъ въ бодрственномъ состояніи мы себѣ не даемъ. Во снѣ же они всплываютъ наружу. Вотъ эти-то общія всѣмъ людямъ желанія мы и находимъ въ міоахъ. Первый интересный для насъ пунктъ въ данномъ отношеніи—это общность содержанія нѣкоторыхъ сновидѣній и міоовъ. Посмотримъ, что говоритъ на этотъ счетъ Фрейдъ. Онъ, какъ мы уже упоминали, первый проанализировалъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ міоовъ—сказаніе объ Одиссеѣ—только съ этой точки зрѣнія. Я позволю себѣ процитировать слѣдующее мѣсто изъ его „Толкованія сновидѣнія“:

„Эдипъ, сынъ Лайя, царя Фивъ, и Іокасты, подкидывается своими родителями, потому что оракулъ предсказалъ отцу, что его нерожденный еще сынъ станетъ его убійцей. Ребенка спасаютъ. Онъ вырастаетъ на чужбинѣ. Желая узнать свое происхожденіе, онъ

тоже обращается къ оракулу. Тотъ совѣтуетъ ему избѣгать родины, такъ какъ иначе онъ долженъ сдѣлаться убійцей своего отца и супругомъ своей матери. Эдипъ бѣжитъ изъ мнимой родины, встрѣчается съ царемъ Лаемъ и убиваетъ его въ стычкѣ. Подойдя затѣмъ къ Фивамъ, онъ разрѣшаетъ загадку преграждающаго путь сфинкса. Фиванцы избираютъ его за это царемъ и даютъ въ жены Иокасту. Онъ правитъ долгое время въ мирѣ и благоденствіи и производитъ на свѣтъ отъ неизвѣстной ему матери двухъ сыновей и двухъ дочерей. Появляется чума, и фиванцы снова обращаются къ оракулу. Здѣсь-то и начинается трагедія Софокла. Вѣстники приносятъ отвѣтъ, что чума прекратится, какъ только изъ страны будетъ изгнанъ убійца Лая. Дѣйствіе трагедіи представляетъ собою не что иное, какъ постепенно развивающееся и искусно замедляемое разоблаченіе, напоминающее психоанализъ того, что Эдипъ—убійца Лая и въ то же время сынъ его и Иокасты“.

Трагедія Эдипа способна тронуть насъ сейчасъ такъ же глубоко, какъ и современниковъ Софокла, хотя мы и не раздѣляемъ ихъ вѣры въ боговъ, въ судьбу и въ изреченія оракула. Фрейдъ вполне справедливо заключаетъ отсюда, что сказаніе должно содержать въ себѣ нѣчто, вызывающее во всѣхъ насъ

однородныя чувства. „Намъ всѣмъ, можетъ быть, было предопредѣлено обратить наше первое сексуальное побужденіе на мать, первую ненависть и мысль о насиліи—на отца; въ этомъ убѣждаютъ насъ наши сновидѣнія“. Въ трагедіи Эдипа осуществлены, слѣдовательно, желанія нашего дѣтства, между тѣмъ какъ мы сами замѣнили сексуальную склонность къ матери и возмущеніе противъ отца любовью и почитаніемъ.

Трагедія содержитъ въ себѣ реализацію двухъ тѣсно соприкасающихся фантазій или желаній дѣтства: о смерти отца и о близости къ матери. Послѣдствія ихъ осуществленія рисуются нами во всемъ ихъ ужасѣ.

Тотъ же конфликтъ между отцомъ и сыномъ изображается въ мифѣ объ Уранѣ и титанахъ. Уранъ старается устранить своихъ сыновей,—такъ какъ боится, что они умалятъ его власть. Сынъ его, Хроносъ, мститъ отцу, кастрируя его. Именно эта форма мести свидѣтельствуетъ о сексуальной основѣ соперничества. Хроносъ старается въ свою очередь также обезопасить себя отъ дѣтей: пожираетъ ихъ всѣхъ, кромѣ младшаго, Зевса. Послѣдній мститъ ему, заставляя выплюнуть всѣхъ дѣтей обратно и свергаетъ Хроноса вмѣстѣ съ другими дѣтьми въ Тартаръ; по другой версіи, Зевсъ тоже кастрируетъ своего отца.

III.

Символика въ рѣчи, сновидѣніяхъ и другихъ созданіяхъ фантазіи.

Оба міра, и объ Эдипѣ, и объ Уранѣ и его потомкахъ, не только схожи по содержанію, но аналогичны въ существенныхъ чертахъ и во внѣшней формѣ. У нихъ обоихъ почти совсѣмъ нѣтъ символической оболочки. Событіе изображается буквально. Замѣчательно, что это относится и къ типическимъ снамъ, которые должны служить намъ истолкованіемъ этихъ міровъ. И въ нихъ—по замѣчанію Фрейда—поразительно мало символики.

Вообще при истолкованіи сновъ мы постоянно встрѣчаемся съ дѣйствіями психической инстанціи, которую Фрейдъ называетъ цензурой. Ниже мы подробнѣе коснемся ея, сейчасъ же удовлетворимся краткой ея характеристикой. Цензура не допускаетъ, чтобы наши затаенныя желанія проявились въ сновидѣніи въ ихъ истинной, неприкрашенной формѣ: она искажаетъ и затемняетъ истинную тенденцію сновидѣнія. Съ цензурой сновидѣніе ведетъ усиленную борьбу. Съ этой борьбой мы познакомимся впоследствии. Лишь одна форма искаженія—символическая оболочка желаній—должна интересовать насъ сейчасъ. Вышеуказанныя сно-

видѣнія о смерти отца и сексуальной склонности къ матери представляютъ собой весьма рѣдкое исключеніе, поскольку въ нихъ желаніе, кажущееся намъ въ бодрственномъ состояніи отвратительнымъ и преступнымъ, изображается вполне реальнымъ, безъ всякой символики. Фрейдъ объясняетъ этотъ фактъ двумя моментами. Ничто ни кажется намъ такимъ далекимъ и чуждымъ, какъ именно эти желанія; поэтому-то и цензура не реагируетъ на нихъ. Во-вторыхъ, желаніе очень легко можетъ таиться за активной заботой о жизни любимаго человѣка. Чрезвычайно любопытно, что и миөъ объ Эдипѣ и миөъ о Хроносѣ и Зевсѣ такъ бѣдны символикой. Въ бодрственномъ состояніи человѣкъ мнитъ себя безконечно далекимъ отъ преступленій Эдипа и Хроноса.

Можно считать, такимъ образомъ, установленнымъ, что между нѣкоторыми миөами и нѣкоторыми сновидѣніями существуетъ разительная аналогія. Необходимо удостовѣриться, имѣетъ ли эта аналогія общій характеръ. Аналогія большинства миөовъ,—какъ и большинства сновидѣній,—затрудняется символической окраской истиннаго содержанія. И именно потому, что въ миөѣ объ Эдипѣ и схожихъ съ нимъ по содержанію сновидѣніяхъ не было этого осложняющаго элемента, они и были особенно пригодны

для введенія въ интересующую насъ проблему.

Если, однако, большинство миеовъ имѣютъ символическую окраску, то въ дѣйствительности они должны содержать или представлять собою нѣчто, отличное отъ ихъ внѣшней формы. Такимъ образомъ, они, какъ и сновидѣнія, нуждаются въ истолкованіи. Примѣромъ символическаго миеа можетъ служить намъ миеъ о Прометѣѣ. Мы и подвергнемъ его толковательному анализу, аналогичному съ анализомъ сновидѣній, и попутно выяснимъ дальнѣйшее сопоставленіе сновидѣнія и миеа.

Я знаю заранѣе, что мнѣ возразятъ, если я постараюсь дать толкованіе миеа по образцу толкованія сновъ и если осмѣлюсь утверждать, что какъ здѣсь, такъ и тамъ царить одинаковая символика. Открытіе и изученіе этой символики — чрезвычайно важная заслуга Фрейда. Благодаря ему, мы имѣемъ возможность установить важнѣйшее взаимоотношеніе между этими двумя психическими моментами. Цѣнность его изслѣдованія, добытаго чрезвычайно усиленной и сложной работой, оспаривается критикой съ большой страстностью. Противники фрейдовскихъ ученій называютъ символическое толкованіе фантастичнымъ и произвольнымъ. Они утверждаютъ, что Фрейдъ и его сто-

ронпики находятся цѣликомъ во власти ка-кого-то самовнушенія, которое заставляетъ ихъ истолковывать все съ вполнѣ опредѣлен-ной точки зрѣнія. Особенно же навлекаютъ они на себя недовольство критики тѣмъ, что видятъ въ символикѣ сна и родственныхъ ему явленій отраженіе половыхъ представле-ній. Ни одна изъ теорій Фрейда, рѣзко уклоняющихся отъ традиціонной догматики, не оспаривается такъ горячо, какъ толкова-ніе символики. Между тѣмъ именно оно и имѣетъ существенное значеніе для нашего дальнѣйшаго изложенія. Прежде чѣмъ пе-рейти поэтому къ толкованію отдѣльныхъ миоовъ, я постараюсь дать этой части мо-его изслѣдованія возможно болѣе широкое обоснованіе. Для этой цѣли я хочу выставить тотъ аргументъ, что изслѣдованная Фрейдомъ символика заложена въ каж-домъ человѣкѣ и испоконъ вѣковъ корени-лась во всемъ человѣчествѣ. При этомъ ока-жется, что рѣчь идетъ преимущественно о сек-суальной символикѣ, о выраженіи и выявленіи половыхъ представлений. Мои соображенія на этотъ счетъ опираются отчасти на чрезвычайно цѣнные труды Клейнпауля. ¹⁾ Этотъ ученый счелъ себя тоже вынужденнымъ выступить

¹⁾ Клейнпауль. Жизнь языка. Т. I. Загадка языка, Т. II. Языкъ безъ словъ Т. III. Сфера вліянія языка.

противъ морализирующей критики. Позволяя себѣ привести небольшую цитату ¹⁾: „Намъ хотѣлось бы указать лишь на то обстоятельство, что эти (т.-е. сексуальныя) представленія не только относятся къ патріархальной эпохѣ, когда они были вполнѣ естественны, но продолжаютъ жить и до настоящаго времени, которое клеймить ихъ позоромъ“. Сексуальная символика, утверждаю я, есть психологическое явленіе, сопровождающее человѣка въ пространствѣ и времени. На порогѣ нашей культуры она проявляется наиболѣе ярко и рѣзко, а въ менѣе яркой, но все же достаточно отчетливой формѣ имѣется въ душевной жизни человѣка и по нынѣшній день. Клейнпауль выражаетъ это чрезвычайно мѣтко: „Человѣкъ сексуализируетъ вселенную“.

Бросивъ прежде всего взглядъ на зачатки изобразительныхъ искусствъ, мы найдемъ тамъ безконечное многообразіе изображеній половыхъ органовъ человѣка,—то въ полускрытомъ, то въ явномъ и откровенномъ видѣ, не оставляющемъ ни малѣйшихъ сомнѣній. Иногда изображенія ихъ имѣютъ характеръ декоративныхъ украшеній, иногда же вазы, чаши и другая утварь просто напросто представляютъ собою разнообразныя формы и ви-

¹⁾ „Языкъ безъ словъ“. Лейпцигъ, 1890. Стр. 490.

ды гениталій. Въ художественной промышленности почти всѣхъ народовъ можно встрѣтить предметы, которые носятъ даже названіе по тому образцу, отъ котораго заимствована ихъ форма. Египетская, греческая, этрусская и римская утварь—краснорѣчивые свидѣтели этой всегда живой въ народѣ сексуальной символики. Наблюдая художественныя произведенія и утварь некультурныхъ народовъ, мы должны будемъ притти къ точно такому же выводу,—иначе дѣйствительно намъ пришлось бы умышленно закрывать глаза. У науки еще очень большое и плодотворное поле для изслѣдованій: наблюденія этого рода разбросаны въ нашей литературѣ и совершенно не приведены въ систему.

Быть можетъ, еще болѣе крупную роль играетъ сексуальная символика въ религіозномъ культѣ всѣхъ безъ исключенія народовъ. Многочисленные обряды и религіозныя формы цѣликомъ относятся къ ней. Распространенный у многихъ народовъ культъ плодородія даетъ источникъ самой богатой символики, отнюдь не выражающейся исключительно въ грубыхъ формахъ (фаллусъ и т. п.)

Намъ нечего, однако, отвлекаться такъ далеко отъ русла повседневной жизни. Нашъ языкъ самъ служить лучшимъ доказательствомъ того значенія, которое имѣлъ всегда сексуальный элементъ въ мышленіи человѣ-

ка. Всѣ индогерманскіе и семитическіе языки имѣютъ (или имѣли прежде) „рода“. На это обстоятельство обычно не обращаютъ никакого вниманія. Но спросимъ все же себя: почему имѣютъ слова въ нашемъ языкѣ мужской и женскій роды? Почему приписываетъ языкъ безжизненнымъ предметамъ принадлежность къ тому или другому роду (или полу)? Часть индогерманскихъ языковъ знаетъ еще третій родъ къ нему относятся слова, которыя не вмѣщаются въ первыхъ двухъ категоріяхъ, либо потому, что фантазія тщетно искала сексуальной аналогіи, либо же потому, что по какой-либо особой причинѣ желательно подчеркнуть половую нейтральность. Правда, далеко не всегда можно легко установить причину, почему слово именно этого, а не другого рода. Тутъ нужно упомянуть еще о томъ, что многія существительныя въ двухъ родственныхъ языкахъ бываютъ разныхъ родовъ. Мы отвлеклись бы чересчуръ, если бы стали касаться подробно этой въ высшей степени интересной проблемы филологіи.

Я ограничусь здѣсь только указаніемъ на нѣкоторыя правила,—главнымъ образомъ въ нѣмецкомъ языкѣ. Въ немъ всѣ уменьшительныя имена существительныя—средняго рода. Народная фантазія сравниваетъ ихъ съ малолѣтними людьми. О маленькихъ дѣтяхъ нѣмцы говорятъ „es“ и причисляютъ ихъ къ

среднему роду; во многихъ мѣстностяхъ это мѣстоименіе употребляютъ и по отношенію къ взрослымъ дѣвицамъ,—но только пока онѣ не выходятъ замужъ. Животныя одной породы именуются иногда совершенно различно,—смотря потому, самки они или самцы. Другія животныя, однако,—безразлично и самцы и самки,—относятся къ одному опредѣленному роду. Во многихъ случаяхъ основанія этого чрезвычайно прозрачны. Изъ животныхъ мужского рода преимущественно тѣ, у которыхъ человѣкъ находитъ качества, присущія мужчинамъ: тѣлесную силу, храбрость и проч. Поэтому-то большая часть хищныхъ звѣрей и птицъ мужского рода. Кошка почти на всѣхъ языкахъ—женскаго рода: ея гибкость, грація и ловкость напоминаютъ качества, характерныя для женщины. Этихъ примѣровъ совершенно достаточно.

Еще болѣе удивительно то, что и мертвые предметы сексуализируются въ языкѣ. Есть предметы, которые во всѣхъ или въ большинствѣ языковъ причисляются къ одному и тому же роду. Здѣсь, несомнѣнно, налицо сексуальная символика. Такъ въ нѣмецкомъ языкѣ морскія суда большею частью женскаго рода. Собственныя имена судовъ нѣмцы всегда употребляютъ въ женскомъ родѣ, даже если они по существу и мужского. Даже англійскій языкъ, сохранившій лишь

рудименты сексуальной дифференціаціи, относитъ морскія суда къ женскому роду: только военный корабль онъ сравниваетъ съ воюющимъ мужчиной, именуетъ „man of war“. Здѣсь очень характерно то обстоятельство, что на кормѣ многихъ судовъ мы видимъ женскую фигуру въ качествѣ украшенія. „Въ глазахъ моряковъ корабль напоминаетъ ковчегъ, таящій въ себѣ сѣмя жизни, тотъ мистическій ящикъ, который носили процессіи женщинъ на празднества Деметры и Діониса. Онъ подобенъ супругъ индусскаго бога Шивы, онъ съ мачтой своей, какъ съ Фаллусомъ, скитается по житейскому „морю“ (Клейнпауль). Возможно, что тутъ играютъ роль еще и другія представленія. Морякъ находится долгое время въ разлукѣ съ женой и на все это время привязанъ къ своему кораблю. Онъ сживаетъ съ нимъ, какъ сухопутный житель съ женой и семьей. Корабль становится символически женой мореплывателя.

Въ большинствѣ языковъ крючки—мужского рода, петли—женскаго. Гайка по нѣмецки—„Schraubenmutter“; въ техникѣ есть выраженія „матрица“, „патрица“: всюду идетъ рѣчь объ отверстіи и остріѣ, его заполняющемъ. Въ Италіи различаются ключи мужского и женскаго рода, смотря по тому,

имѣють ли они массивную или полую бородку.

О многихъ городахъ и о большинствѣ странъ мы говоримъ въ женскомъ родѣ. Почти всѣ цвѣты женскаго рода; очевидно *tertium comparationis* здѣсь—плодородіе. Въ латинскомъ языкѣ женскій родъ для деревьевъ обязательнъ.

Я ограничиваюсь этими немногими разительными примѣрами. Углубившись хотя бы немного въ тайны родного языка, всякій натолкнется тотчасъ же на эту сексуальную символику. Богатый матеріалъ въ этомъ отношеніи даетъ Клейнпауль.

Такимъ образомъ, человѣческая фантазія навязываетъ родъ (или, что то же, полъ) мертвымъ предметамъ. Изъ этого явствуетъ огромное значеніе сексуальности для человѣческаго воображенія. Далѣе отсюда же вытекаетъ, что человѣкъ находится съ предметами внѣшней природы отнюдь не въ объективной, а въ чисто субъективной, личной связи, возникающей изъ его сексуальности. Стремленіе оживлять окружающіе предметы глубоко заложено въ натурѣ человѣка: ребенокъ ругаетъ и колотитъ столъ, о который онъ ударился. Но человѣкъ не ограничивается тѣмъ, что онъ только оживляетъ вещи: онъ ихъ и *сексуализируетъ*. Это объясняетъ намъ вышеприведенный взглядъ Клейнпауля, что чело-

вѣкъ сексуализируетъ вселенную. *Примѣчательно то, что и филологія и біологическо-медицинское изслѣдованіе приводятъ къ одному и тому же заключенію.*

Какъ показала Фрейдъ ¹⁾, половое влеченіе человѣка въ своей ранней стадіи автоэротично, иначе говоря, человѣкъ не знаетъ, кромѣ себя, никакого объекта, на которомъ онъ могъ бы сконцентрировать свое libido. Лишь мало-по-малу влеченіе обращается на другіе объекты, а потомъ уже не только на человѣческіе и живые, но и на безжизненные. Подробное разсмотрѣніе этихъ излученій сексуальности послужить темой для другого очерка, въ который войдутъ и отклоненія отъ нормы въ этой сферѣ, чрезвычайно важныя и существенныя для пониманія нѣкоторыхъ душевныхъ разстройствъ.

Мы установили, что человѣкъ изначала придавалъ очень важное значеніе половымъ различіямъ. Сексуальность человѣка представляетъ собою экспансивную потребность, выходящую далеко изъ рамокъ объекта полового удовлетворенія. Человѣкъ пронизываетъ, преисполняетъ все окружающее своей сексуальностью, и языкъ—свидѣтель его творческой сексуальной фантазіи. Въ виду этого мнѣ кажется совершенно непонятнымъ упрекъ

¹⁾ Ср. его „Три очерка сексуальной теоріи“.

Фрейд и его сторонникамъ въ томъ, что они преувеличиваютъ роль сексуальности въ нормальной и патологической душевной жизни. Опасность у м а л е н і я этого значенія представляется имъ гораздо болѣе существенной. Часто дѣлаемое возраженіе Фрейду гласитъ далѣе, что инстинктъ самосохраненія властвуетъ надъ человѣческой жизнью въ гораздо большей степени, нежели половой инстинктъ; выдвиганіе полового влеченія на первый планъ является поэтому преувеличеніемъ. Ошибочна и вся теорія Фрейда, стремящаяся видѣть во всемъ особый сексуальный смыслъ.

Въ созданіи инстинктъ самосохраненія играетъ, можетъ быть, дѣйствительно часто первенствующую роль. Но противники Фрейда совершаютъ ошибку: они рассматриваютъ только сознательныя явленія. Фрейдъ никогда не утверждалъ, что сознательныя половыя представленія безусловно стоятъ на первомъ планѣ. Наоборотъ: именно безсознательныя, отодвинутыя представленія оказываютъ сильнѣйшее вліяніе на воображеніе.

Всѣ возраженія противъ сексуальной теоріи Фрейда рушатся, какъ только мы обратимся опять къ языку. Ничто не вытекаетъ такъ непосредственно изъ сокровенной души народа, какъ языкъ. Въ языкѣ находитъ себѣ отраженіе фантазія народа, она выражается

въ тысячѣ символовъ и аналогій, которые мы едва ли даже и сознаемъ. Мы не произносимъ ни одной фразы, въ которой не было бы символическихъ выраженій. И вся символика эта въ своей существенной и важнѣйшей части носить сексуальный характеръ. Я еще разъ возвращаюсь къ тому обстоятельству, что въ нашемъ языкѣ имѣются слова мужскаго, женскаго и средняго рода. Если противники Фрейда правы, т.-е. если дѣйствительно въ душевной жизни первенствующую роль играетъ не половое влеченіе, а инстинктъ самосохраненія, то очень странно, почему языкъ дифференцируетъ явленія и вещи на основаніи сексуальной точки зрѣнія. Почему не различаетъ онъ ихъ по тому, соотвѣтствуютъ ли вещи нашему инстинкту самосохраненія или нѣтъ? Почему вмѣсто вещей мужскаго, женскаго и средняго рода нѣтъ, на примѣръ, годныхъ для ѣды, годныхъ для питья и, наконецъ, несъѣдобныхъ вещей. Есть множество вещей и понятій, съ незапамятныхъ временъ находящихся на службѣ у сексуальной символики. Мы постоянно встрѣчаемъ ихъ въ этой роли въ Библии, въ Ведахъ, въ греческихъ и въ сѣверныхъ мифахъ, въ преданіяхъ историческихъ временъ, въ сновидѣніяхъ и т. д. Сюда относится, на примѣръ, змѣя, какъ символъ мужскаго полового органа. Въ книгѣ Бытія она соблаз-

нительница Евы. Въ греческихъ и сѣверныхъ мифахъ змѣя имѣетъ то же значеніе ¹⁾. Въ сновидѣніяхъ женщинъ змѣя играетъ всегда крупную роль; смыслъ символа обычно очень прозраченъ. Суевѣрный страхъ передъ змѣями, несомнѣнно, связанъ съ аналогичнымъ же представленіемъ. Отъ душевнобольныхъ женщинъ мы слышимъ нерѣдко, что на нихъ нападаютъ якобы змѣи и вползаютъ къ нимъ въ половыя части или въ ротъ. Мы знаемъ, что ротъ въ этомъ смыслѣ является лишь замѣщеніемъ vulva.

Другимъ излюбленнымъ символомъ служить яблоко, олицетворяющее женскую плодovitость. Ева соблазняетъ яблокомъ Адама ²⁾.

Насколько глубоко заложена въ человѣкѣ сексуальная символика, обнаруживаетъ очень наглядно простой экспериментъ ассоціаціи. Экспериментаторъ обращается къ субъекту съ различными словами, на которыя тотъ

¹⁾ Риклинъ. Психологія и сексуальная символика сказокъ.

²⁾ Символомъ плодородія служатъ плоды граната, очевидно, вслѣдствіе его многочисленныхъ зеренъ. Поэтому же онъ и атрибутъ Юноны, богини брака. Богатая сѣменами головка мака—атрибутъ Венеры. Въ одной сажѣ Венера превращается въ карпа; обиліе яичекъ, которыя мечетъ самка карпа, служило въ древности поговоркой. Во многихъ странахъ существуетъ обычай осыпать новобрачныхъ рисомъ. Ср. по этому поводу: Клейнпауль. Языкъ безъ словъ, стр. 27.

долженъ отвѣчать первыми, пришедшими ему въ голову. Выборъ отвѣтныхъ словъ, а также и нѣкоторыя сопровождающія отвѣтъ обстоятельства показываютъ въ большинствѣ случаевъ, что слово экспериментатора возбуждаетъ ассоціативнымъ путемъ имѣющійся у субъекта „комплексъ“ сексуальнаго характера ¹⁾. Готовность ассимилировать съ этимъ комплексомъ даже самое невинное слово и воспринимать его въ духѣ комплекса въ качествѣ символа, прямо таки поразительна. Эта тенденція отнюдь не сознается субъектомъ, произносящимъ отвѣтное слово. Въ однихъ случаяхъ онъ самъ дѣлается способнымъ объяснить связь отвѣтнаго слова съ сексуальнымъ комплексомъ, для чего, однако ему приходится преодолевать болѣе или менѣе сложныя затрудненія. Въ другихъ случаяхъ для уясненія этой связи требуется сложный анализъ со стороны экспериментатора. Кто обладаетъ хотя бы нѣкоторымъ опытомъ въ teknikѣ эксперимента и психоанализа, тотъ всегда сумѣетъ подобрать для своихъ вопросовъ нужное направленіе. Въ цюрихской психіатрической клиникѣ имѣется

¹⁾ Въ трудахъ цюрихской психіатрической клиники терминъ „комплексъ“ употребляется для обозначенія комплекса представленій, сопровождающагося рѣзко выраженными эмоціями и имѣющаго наклонность, отходя отъ сознанія, отодвигаться въ сферу безсознательнаго.

списокъ ста такихъ вопросовъ; примѣненіе ихъ къ многочисленнымъ лицамъ дало въ отношеніи сексуальной символики безсознательнаго чрезвычайно интересные результаты, которые, впрочемъ, вполне совпадаютъ съ выводами Фрейда, добытыми имъ другимъ путемъ.

Въ виду всего вышеизложеннаго мнѣ кажется достаточно яснымъ, что символика—главнымъ образомъ, сексуальная—является общимъ достояніемъ всѣхъ людей. Возраженіе, будто символика или приписываемая ей роль существуетъ лишь въ фантазіи нѣкоторыхъ предубѣжденныхъ изслѣдователей, отпадаетъ. *Клейнпауль* ¹⁾ высказываетъ свое мнѣніе по этому поводу съ большою определенностью и рѣзкостью: „Символы не дѣлаются, они существуютъ; они не изобрѣтаются, а лишь познаются ²⁾).

¹⁾ *Клейнпауль*. Языкъ безъ словъ. Стр. 26.

²⁾ Критики Фрейда избѣгаютъ заниматься серьезно символикой и ея сущностью. Недавно еще Б. Вейнгандъ пытался придать симптомамъ аномальнаго психическаго состоянія намѣренно пошлый смыслъ. Онъ думалъ доказать этимъ произвольность и абсурдность метода Фрейда. Но какъ разъ именно въ этомъ и обнаруживается основная ошибка критики. Она полагаетъ, что символика произвольно и сознательно можетъ быть создаваема. Изъ трудовъ Фрейда явствуется однако, что символика коренится въ безсознательномъ, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда господство со-

Я не хочу ограничиваться ссылкой на теорію символики Фрейда и на анализированные имъ примѣры сновидѣній: я приведу здѣсь отрывокъ сновидѣнія, сообщеннаго мнѣ одной близкой знакомой.

„Я одна въ большой, продолговатой комнатѣ. Неожиданно слышится какой-то подземный гулъ; онъ однако нисколько не удивляетъ меня, потому что я тотчасъ же вспоминаю, что изъ комнаты подземный каналъ ведетъ прямо въ воду. Я подымаю люкъ въ полу, и тотчасъ же появляется какое-то существо въ красноватой шубѣ, сильно напоминающее тюленя. Существо это сбрасываетъ шубу и оказывается моимъ братомъ. Еле переводя дыханіе, онъ умоляетъ меня дать ему убѣжище: онъ убѣждалъ безъ разрѣшенія и проплылъ весь путь подъ водой, Я позволяю ему лечь на стоящій въ комнатѣ диванъ, и онъ засыпаетъ. Черезъ нѣсколько

знанія совершенно или частично слабѣетъ, — иначе говоря, во снѣ, при разстроенномъ вниманіи и т. д. — выплываетъ наружу весь отодвинутый запасъ представленій. Последнія проявляются въ скрытой формѣ; они прибѣгаютъ къ помощи символики. Какъ утверждаетъ *Блейлеръ*, символика покоится на низшей формѣ ассоціативной дѣятельности, пользующейся вмѣсто логическихъ умозаключеній смѣлыми аналогіями. Къ такого рода ассоціативной дѣятельности при ясномъ сознаніи и при бодрствующемъ вниманіи мы совершенно неспособны. Символика не можетъ быть, следовательно, произвольной.

минуть раздается новый, значительно болѣе сильный шумъ за дверью. Съ крикомъ ужаса мой братъ вскакиваетъ съ дивана: они пришли за мной, они думаютъ, что я дезертировалъ. Онъ накидываетъ шубу и пытается спастись черезъ подземный каналъ, но тотчасъ же возвращается и говоритъ: спасенія нѣтъ, они заняли и этотъ путь. Въ этотъ моментъ дверь раскрывается, въ комнату врываются нѣсколько человѣкъ и хватаютъ моего брата. Въ отчаяніи я кричу имъ: онъ ничего вѣдь не сдѣлалъ, я ручаюсь вамъ за него, я буду его защищать.—Въ этотъ моментъ я проснулась“.

Знакомая моя вышла недавно замужъ и забеременѣла. Роды ее очень страшатъ. Вечеромъ ея врачъ много рассказывалъ ей о развитіи и физиологіи зародыша. Она знала уже многое изъ книгъ, но въ разговорѣ съ врачомъ выяснилось, что у нея относительно нѣкоторыхъ вещей ошибочныя представленія. Такъ, напримѣръ, она неправильно понимала значеніе зародышной воды. Кромѣ того, нѣжный пухъ, покрывающій тѣло зародыша (lanugo), казался ей густой растительностью, какъ у молодыхъ животныхъ.

Каналъ, ведущій въ воду=путь зародыша. Вода=зародышная вода. Изъ этого канала появляется покрытое растительностью животное, похожее на тюленя. Тюлень—животное,

живущее въ водѣ, совсѣмъ какъ зародышъ въ зародышной водѣ. Существо это (=ожидаемый ребенокъ) появляется быстро: быстрые, легкіе роды. Оно оказывается ея братомъ. Въ дѣйствительности братъ значительно моложе ея. Послѣ ранней смерти матери ей приходилось заботиться о немъ; въ ея отношеніи къ нему было много материнскаго чувства. Она еще и теперь называетъ его „мой мальчикъ“. Братъ олицетворяетъ собой такимъ образомъ ожидаемаго ребенка. Она хочетъ видѣть его (она живетъ вдали отъ своей семьи), она ждетъ, стало быть, во-первыхъ, брата, во-вторыхъ, ребенка. Это вторая аналогія между братомъ и ребенкомъ. По нѣкоторымъ, неинтересующимъ насъ причинамъ ей хочется, чтобы братъ переѣхалъ со своего постоянного мѣста жительства. Поэтому-то онъ во снѣ и „дезертируетъ“. Мѣсто, гдѣ онъ живетъ, расположено у воды; онъ тамъ часто плаваетъ (третья аналогія съ зародышемъ). Ея домъ тоже стоитъ у воды. Узкая комната, которую она видѣла во снѣ, выходитъ окнами на рѣку. Въ комнатѣ дѣйствительно стоитъ диванъ, на которомъ спятъ пріѣзжающіе въ домъ гости. Въ этой комнатѣ будетъ спать ея братъ. Четвертая аналогія: комната должна стать впоследствии дѣтской.

Появляясь, братъ едва переводитъ дыханіе.

Онъ плылъ долго подъ водой. Зародышъ, выйдя на свѣтъ Божій, тоже долженъ будетъ дышать тяжело. Братъ тотчасъ же засыпаетъ,—все равно, какъ новорожденный ребенокъ.

Дальше слѣдуетъ сцена, во время которой брата охватываетъ ужасъ, онъ въ безвыходномъ положеніи. Такимъ же предстоящимъ ей самой положеніемъ являются роды. Они уже заранѣе вселяютъ въ нее страхъ. Во снѣ она взваливаетъ этотъ страхъ на зародыша, т.-е. на олицетворяющаго его брата. Она укладываетъ его: онъ очень утомленъ. Послѣ родовъ утомленной будетъ она, ей придется лежать,—во снѣ она дѣятельна, она укладываетъ брата. Еще въ одномъ отношеніи происходитъ перетасовка. Ея братъ юристъ и, въ качествѣ адвоката, долженъ „защитить“. Эту роль она беретъ на себя, она его защищаетъ. Въ возмѣщеніе этого она приписываетъ ему свой страхъ.

Изложенное сновидѣніе содержитъ символы, могущіе послужить типичными примѣрами. Между ребенкомъ и тюленемъ, между подземнымъ каналомъ и половыми путями имѣется вѣдь только крайне смѣлая аналогія. Тѣмъ не менѣе въ сновидѣніи одно заступаетъ мѣсто другого. Братъ замѣщаетъ ребенка, хотя онъ давно уже взрослый. Но для сестры онъ все еще „мой мальчикъ“.

Сновидѣнія охотно оперируютъ съ такими выраженіями, которыя могутъ быть понимаемы въ самомъ различномъ смыслѣ.

Желанія, обычно осуществляющіяся въ сновидѣніяхъ, на сей разъ совершенно очевидны: желаніе легкихъ родовъ, которыхъ не нужно бояться, и желаніе имѣть возможность заботиться о братѣ. Очень возможно, что сновидѣніе это, не доведенное до конца, содержало въ себѣ осуществленіе еще какихъ-либо желаній.

Чтобы показать, что нѣкоторымъ психопатологическимъ явленіямъ свойственна одна и та же символика, я приведу еще примѣръ. Галлюцинаціи душевно-больныхъ, — безразлично, носятъ ли они постоянный характеръ или спорадическій, — чрезвычайно напоминаютъ сновидѣнія. Анализъ показываетъ, что здѣсь рѣчь идетъ не только о поверхностномъ сходствѣ.

Дѣвочку десяти лѣтъ изнасиловалъ ея дядя бродяга и пьяница, въ сараѣ при домѣ ея родителей. Онъ пригрозилъ ей поджечь домъ, если она будетъ ему противиться. Запуганная его угрозами, она неоднократно была его жертвой. Когда черезъ нѣкоторое время у нея развилось душевное расстройство, то существенная часть содержанія психоза сложилась изъ воспоминаній о страшномъ происшествіи, изъ упрековъ самой себѣ въ уступчивости.

Эти элементы всецѣло обусловили собою болѣзненные явленія, скрывшись при этомъ за сексуальной символикой, вполне совпадающей съ символикой сновидѣнія. Изъ подробнаго описанія этого случая, помѣщеннаго мною въ одной изъ моихъ прежнихъ работъ ¹⁾, я приведу здѣсь только нѣсколько статей относящихся къ интересующему насъ вопросу. Пациентка въ теченіе многихъ лѣтъ страдала ночными видѣніями; особенно часто ей мерещился горящій сарай. Это видѣніе обуславливается, очевидно, двумя моментами: дядя грозитъ ей поджогомъ и дядя изнасиловалъ ее въ сараѣ. Наряду съ этимъ она видѣла страшные сны. Однажды ей приснилась стая ночныхъ совъ. Птицы пристально смотрѣли на нее, подлетали къ ней, сорвали съ нея одѣяло и сорочку и закричали: стыдись, ты же голая! Это уже, очевидно, воспоминаніе о роковомъ случаѣ. Впослѣдствіи ей въ бодрственномъ состояніи сталъ грезиться адъ. Сцены, разыгрывавшіяся въ немъ, носили рѣзко выраженный сексуальный характеръ. Она видѣла страшныхъ существъ, полузвѣрей—полулюдей: змѣй, тигровъ, совъ. Появлялись и какіе-то страшные бродяги, превращались

¹⁾ „О значеніи сексуальныхъ сновидѣній молодежи для симптоматики *dementia praecox*“ („Zentralblatt für Nervenheilklinik“, 1907.)

въ тигровъ и бросались на самокъ.—Содержащія въ этихъ галлюцинаціяхъ и сновидѣніяхъ осуществленія желаній обнаруживаются лишь по изученіи всей исторіи болѣзни. Достаточно коснуться здѣсь только символовъ. Особенно интересны для насъ странныя существа,—бродяги, превращающіеся въ тигровъ. Алкоголизмъ и животная хищность дяди объединяются въ одинъ символъ. Змѣи въ одной изъ сексуальныхъ галлюцинацій могутъ имѣть лишь тотъ смыслъ, о которомъ мы говорили выше. Нѣкоторыя породы животныхъ играютъ въ качествѣ сексуальныхъ символовъ крупную роль въ сновидѣніи и въ психозѣ. Одна знакомая, чрезвычайно эротично настроенная пациентка, страдавшая гебефреміей, называла этихъ животныхъ, фигурировавшихъ въ ея галлюцинаціяхъ, „животными красоты“. Эвфемизмъ, не совсѣмъ лишенный все же эротическаго элемента!

Превосходные примѣры аналогичнаго характера собраны Риклиномъ изъ сказокъ различныхъ народовъ. Наконецъ, я могъ бы сослаться еще на символику въ анализированной Фрейдомъ новеллѣ Гензена.

IV.

Анализъ мифа о Прометѣѣ.

Черезъ различнѣйшія созданія человѣческой фантазіи проходитъ одна и та же символика, являющаяся въ существенной своей

части символической сексуальной. Я перехожу теперь къ анализу мифа. Но въ структурѣ его насъ будетъ интересовать не только его символика: мы найдемъ въ немъ еще и другія, чрезвычайно важныя аналогіи со сновидѣніемъ.

По воззрѣніямъ грековъ, Прометей создалъ людей и затѣмъ похитилъ у Бога огонь, чтобы даровать его своимъ твореніямъ. Представленіе о томъ, что человѣкъ созданъ высшимъ существомъ, можно найти у самыхъ различныхъ народовъ. Какъ ни традиціонно оно, оно все же нуждается въ нѣкоторомъ объясненіи. Сообщение о томъ, что творецъ людей,—самъ не божество и въ то же время не человѣкъ,—похитилъ у боговъ огонь и благодаря этому вступилъ въ конфликтъ съ Зевсомъ, также нуждается въ толкованіи. Возникновеніе мифа о происхожденіи огня нашло своего изслѣдователя въ лицѣ Адальберта Куна. Кунъ—основатель сравнительной мифологіи; ему наука обязана цѣлымъ рядомъ обстоятельныхъ работъ о различныхъ мифологическихъ фигурахъ. Онъ исходилъ изъ того, что нѣкоторыя сказанія, общія индогерманскимъ народамъ, содержатся въ индусскихъ Ведахъ въ болѣе первоначальной формѣ, нежели та, какая извѣстна намъ изъ греческихъ и другихъ источниковъ. Ему удалось свести фигуры Аѳины, кентавровъ, Ор-

фея, Вотана и другихъ боговъ и героевъ греческихъ и германскихъ мифовъ къ ведскимъ источникамъ и тѣмъ самымъ разъяснить истинный смыслъ этихъ мифовъ. Чрезвычайно цѣнна для мифологическаго изслѣдованія его общирная работа „О происхожденіи огня и божественнаго напитка“. По его слѣдамъ пошли такіе ученые, какъ Дельбрюкъ, Штейнталь, Коэнъ, Ротъ, Максъ Мюллеръ, Шварцъ. Въ дальнѣйшемъ я коснусь только важнѣйшихъ выводовъ Куна и по техническимъ соображеніямъ ограничусь пока однимъ мифомъ о происхожденіи огня. Я придерживаюсь при этомъ отчасти отрывка изъ работы Куна, переданнаго Штейнталемъ¹⁾ въ критическомъ освѣщеніи; использованы мною и ихъ общія замѣчанія, которыми Коэнъ²⁾ дополнилъ изслѣдованія Куна. Рамки настоящаго очерка не позволяютъ мнѣ приводить для отдѣльныхъ пунктовъ анализа сравнительно-филологическіе и мифологическіе аргументы. Въ этомъ отношеніи мнѣ приходится ссылаться на оригиналы и на обѣ упомянутыя работы Штейнталья и Коэна.

Насколько можно судить по различнымъ

¹⁾ Штейнталь. Мифъ о Прометѣѣ въ его первоначальномъ видѣ.

²⁾ Коэнъ. Мифологическія представленія о богѣ и душѣ.

изслѣдованіямъ, всѣ индогерманскіе народы первоначально добывали огонь посредствомъ тренія. Мы можемъ найти слѣды этого способа еще и въ историческое время; намъ извѣсны даже относящіяся сюда техническіе термины. Некультурныя племена другихъ расъ примѣняютъ этотъ способъ еще теперь. Какъ дошелъ человѣкъ до того, чтобы добывать огонь треніемъ, мы достовѣрно не знаемъ. Кунъ говоритъ, что учительницей человѣка была въ этомъ отношеніи природа: онъ наблюдалъ въ дѣвственномъ лѣсу, какъ сухой сукъ ползучаго растенія, колеблемый вѣтромъ, терся въ дуплѣ сука и потомъ загорался. Но уже Бешель обращаетъ вниманіе на невѣроятность такого толкованія; онъ полагаетъ, что нагрѣваніемъ двухъ тѣлъ отъ тренія ихъ одно о другое человѣкъ могъ познакомится при буреніи и другихъ ремесленныхъ работахъ,—безъ всякаго наблюденія аналогичныхъ явленій въ природѣ.

Примитивное огниво состояло изъ сухого и твердаго сука и диска мягкаго дерева, державшаго въ себѣ отверстіе. Путемъ вращательнаго и бурящаго движенія въ отверстіи дерево воспламенялось. Добытый такимъ путемъ огонь скоро тухнетъ; его приходится добывать сызнова. Но то же наблюденіе человѣкъ могъ дѣлать и на другомъ огнѣ: на небесномъ. На небѣ каждый день появлялось

пламя солнца, согрѣвающее и освѣщающее; иногда же кромѣ того онъ видѣлъ какъ съ неба нисходятъ огненные лучи, сверкающіе и возжигаютъ. Но и небесный огонь погасалъ черезъ мгновеніе. Значить, и на небѣ что-то загорается и опять тухнетъ. По древнѣйшему представленію индогерманскихъ народовъ облака уподоблялись дереву, — это тотъ самый ясень вселенной, съ которымъ мы встрѣчаемся въ самыхъ различныхъ мифахъ. Ясень служилъ человѣку въ то же время огнивомъ. Естественно поэтому, что человекъ, видя огонь на небѣ, думая, что это горитъ именно ясень. Молнія, спускавшаяся съ неба на землю, была пламенемъ, исходившимъ съ ясеня. Отсюда возникло воззрѣніе, что земной огонь есть спустившійся на землю огонь небесный. Быстрое движеніе молніи по воздуху напоминало полетъ птицъ; отсюда дальнѣйшее воззрѣніе, что небесный огонь приносить на землю птица, свившая себѣ гнѣздо на небесномъ ясени. Мифы различныхъ народовъ и различныхъ эпохъ приписываютъ эту роль то орлу, то соколу, то дятлу. Нѣкоторыя породы деревьевъ, какъ, напримѣръ, рябина съ красными плодами, шипами и кудрявыми листьями, считались превращеніями молніи—птицы. Въ ней находили окраску, когти и опереніе птицы.

Къ небесному и земному огню въ предста-

влениі индогерманскаго миѡа присоединяется еще одинъ жизненный огонь. Здѣсь мы видимъ ту же самую аналогію, при помощи которой отождествлялись небесный и земной огонь. Жизненный огонь тоже необходимо возжигать,—пробуждать. Пока онъ живетъ въ тѣлѣ, тѣло тепло. И, какъ всякій огонь потухаетъ, такъ же потухаетъ и огонь жизненный. Но самая остроумная аналогія проводилась между зарожденіемъ жизни и добываніемъ огня. Подобно тому, какъ путемъ буренія сука въ деревѣ загорается пламя, такъ зарождается и человѣческая жизнь въ материнской утробѣ. Доказательства этого возрѣнія въ миѡѣ и языкѣ многочисленны и разнообразны. Здѣсь я упомяну только о томъ, что обѣ части примитивнаго огнива носили часто названія мужскихъ и женскихъ половыхъ органовъ,—настолько глубоко вошло это возрѣніе въ плоть и кровь народа. Даже больше: ту же самую идентификацію мы находили и въ семитскихъ языкахъ.

Зарожденіе жизненнаго огня, созданіе человѣка переносится также наверхъ, къ тому же ясеню вселенную. Человѣкъ, какъ и огонь, происходитъ оттуда; поэтому и человѣкъ, подобно огню, переносится на землю птицей. Это традиціонный аистъ, приносящій дѣтей.

Позднѣйшая эпоха, которая отлагается въ миѡѣ, такъ сказать, новымъ слоемъ, создастъ

человѣкоподобныхъ боговъ. Она сохраняетъ старую аналогію огня и жизни и придаетъ ей только новую форму: богъ огня въ то же время человѣкъ-богъ. Въ Ведахъ мы находимъ бога Агни (agni по-латински ignis—огонь), который олицетворяетъ огонь, свѣтъ, солнце и молнію и въ то же время почитается первымъ изъ людей. Въ мифахъ различныхъ народовъ Агни представляется еще въдобавокъ молніей—птицей. Дятель былъ въ древнѣйшихъ латинскихъ мифахъ огненной птицей, молніей, человѣкомъ. Позднѣйшая варіація мифа дѣлаетъ его первымъ царемъ Лациума, въ то же время, однако, онъ остается богомъ—покровителемъ родильницъ и младенцевъ, т. е. богомъ жизненнаго начала.

Вмѣстѣ съ развивавшейся персонификаціей боговъ все въ природѣ начало становиться продуктами или атрибутами боговъ. Такъ, огонь пересталъ почитаться богомъ, а сталъ созданиемъ бога. Богъ возжигалъ по утрамъ потухшее пламя солнца путемъ буренія солнечнаго диска; молнію онъ создавалъ, вбивая клинъ въ грозовое облако. Подобно небесному огню, и земной долженъ былъ постоянно возжигаться сызнова. Когда огонь потухалъ, исчезалъ и Агни; онъ прятался. На небѣ—въ облакѣ; на землѣ—въ деревянномъ дискѣ, изъ котораго его можно было вызвать бурениемъ и трениемъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ

новой миѳической фигурой, древнѣйшее имя которой, (въ Ведахъ)—Матарихванъ. Матарихванъ возвращаетъ на землю Агни, прячущагося въ облакъ или въ деревъ. По другой версiи, онъ находитъ Агни въ пещерѣ. Онъ приноситъ людямъ свѣтъ и тепло, которые нужны имъ для жизни. Его имя значитъ: „дѣйствующій въ матери“.

Матарихвану, огненосцу, въ греческомъ миѳѣ соотвѣтствуетъ Прометей. Въ историческую эпоху имя Прометей, испытывшее различныя измѣненія, истолковывалось, какъ „заботящійся“, „пекущійся“. Его древнѣйшая форма „Праманта“. Это имя имѣетъ двоякое значеніе: во-первыхъ,—„создающій треніемъ“. Треніемъ онъ добываетъ огонь и создаетъ челоуѣка. Нужно замѣтить при этомъ, что „мата“ значитъ мужской половой органъ. Второе значеніе имени „Праманта“—похититель огня. Наряду съ представленіемъ, что Прометей—Праманта добываетъ огонь, существовало другое, что онъ—какъ Матарихванъ—приноситъ огонь съ неба или похищаетъ его.

Въ миѳахъ огонь представленъ такимъ образомъ въ троякомъ видѣ: какъ огонь (въ то же время богъ огня), какъ добыватель огня (или похититель) и, наконецъ, какъ челоуѣкъ. Челоуѣкъ идентиченъ огню въ миѳѣ постольку, поскольку первые люди произошли

отъ огня и потому еще, что человѣкъ таитъ въ себѣ огонь жизни.

V.

Инфантилизмы въ индивидуальной и народной психологіи. Осуществленіе желаній во снѣ и въ миѣѣ.

Предыдущая глава даетъ краткое, но достаточно яркое представленіе о многочисленности источниковъ, стекающихся въ миѣѣ о Прометѣѣ. Изслѣдованіе ихъ имѣло громадное научное значеніе. Оно привело къ разрыву съ тѣмъ традиціоннымъ воззрѣніемъ, будто миѣѣ есть фигуральное выраженіе философской или религіозной мысли. Кунъ старался доказать, что каждый миѣѣ покоится на извѣстномъ міропониманіи.

Онъ показалъ, что каждый миѣѣ, помимо содержанія, очевиднаго безъ всякихъ дальнѣйшихъ разбясненій, содержитъ еще скрытое содержаніе, таящееся за символическими выраженіями ¹⁾.

Кто знакомъ съ фрейдовскимъ методомъ толкованія сновидѣній и теоріей сна, тотъ замѣтитъ, что между толкованіемъ миѣѣ о Прометѣѣ Кунъ и толкованіемъ сновидѣній Фрейда существуетъ самая широкая аналогія. Если къ двумъ вещамъ, обнаруживающимъ

¹⁾ Кунъ не побоялся открыто подчеркнуть сексуальный характеръ этой символики.

столь значительныя внѣшнія различія, какъ сновидѣніе и миоъ, примѣнимъ одинъ и тотъ же методъ изслѣдованія, то въ этомъ нельзя не видѣть новаго подтвержденія того предположенія, что позади внѣшнихъ различій скрывается внутреннее сродство. Примѣръ миоа о Прометеѣ послужить намъ сейчасъ для доказательства психологическаго сродства сновидѣнія и миоа.

Миоъ о Прометеѣ, поскольку онъ интересуется насъ здѣсь, можетъ быть переданъ въ нѣсколькихъ словахъ. Анализъ его, раскрывшій намъ истинный смыслъ этихъ немногихъ словъ, занялъ бы очень много мѣста. Совершенно такъ же обстоитъ дѣло и со сновидѣніями. Короткое сновидѣніе содержитъ значительно больше, чѣмъ даетъ намъ его простой пересказъ. Подобно тому, какъ Фрейдъ установилъ это для сновидѣнія,—въ миоѣ тоже, кромѣ явнаго и очевиднаго содержанія, есть еще скрытое. Для уясненія его необходимо толкованіе, анализъ. Послѣдній, аналогично толкованію сновидѣній, долженъ раскрыть весь тотъ запасъ представленій и чувствъ, которыя напли свое выраженіе въ миоѣ.

Болѣе или менѣе значительныя различія скрытаго и явнаго содержанія сновидѣнія объясняютъ то, что видящій сонъ очень рѣдко бываетъ въ состояніи понять его. Онъ счи-

таетъ сновидѣніе безсмысленнымъ, нелѣпымъ и оспариваетъ, что вообще у сновидѣнія есть какой-либо смыслъ; если же онъ и пытается иногда проникнуть въ смыслъ своего сна, то даетъ ему большей частью недостаточное объясненіе, имѣющее въ виду исключительно внѣшнее, явное его содержаніе. Точно такъ же и народъ! Онъ тоже не понимаетъ скрытаго содержанія своихъ мѣтовъ и даетъ имъ недостаточное объясненіе. Примѣры легко подтверждаютъ это. Сновидѣнія о смерти близкихъ, о которыхъ мы уже говорили, всѣ почти безъ исключенія толкуются неправильно. Совершенно такъ же неправильно понимали греки истинный смыслъ мѣта о Прометѣѣ. Они исказили даже значеніе самаго имени Прометей. Но къ этому мы еще ниже вернемся.

То обстоятельство, что мѣтообразующій народъ относится къ продукту своего духа такъ же, какъ субъектъ къ видѣнному имъ сну, нуждается въ разъясненіи. Ключъ къ раскрытію этой загадки даетъ намъ Фрейдъ. Его теорія сна сводится къ слѣдующему положенію: „Сновидѣніе есть часть пережитой ребенкомъ душевной жизни“. Это положеніе также нуждается въ объясненіи. Фрейдъ доходитъ до него слѣдующимъ путемъ. Наша память сохраняетъ гораздо больше впечатлѣній, чѣмъ намъ обычно кажется. Мы охотно

„забываемъ“ особенно тѣ переживанія, которыя связаны съ какимъ-либо непріятнымъ чувствомъ. Но эти переживанія не изглаживаются абсолютно; они только „отодвигаются“. Съ этимъ процессомъ отодвиганія въ сферу безсознательнаго мы уже познакомились. Мы особенно часто устраиваемъ изъ нашего сознанія неосуществленные или неосуществимыя желанія вслѣдствіе сопряженной съ ними эмоціи неудовлетворенности. Сновидѣнія же черпаютъ матеріалъ въ наибольшей и наименее существенной своей части изъ этихъ отодвинутыхъ представленій; лишь небольшая часть ихъ носитъ дѣйствительный характеръ. То же самое происходитъ, когда вслѣдствіе патологическихъ явленій нарушается дѣятельность сознанія. Тогда тоже изъ глубокихъ тайниковъ выходятъ наружу давнія переживанія. Особенно отчетливо мы можемъ наблюдать это при истеріи и при dementia praecox. Понятіе „отодвиганія“ необходимо для объясненія различнѣйшихъ болѣзненныхъ симптомовъ. Отодвинутыя воспоминанія могутъ относиться къ любому возрасту. При детальномъ анализѣ удастся, однако, доказать, что конечной основой сновидѣнія или симптома упомянутыхъ болѣзней служатъ воспоминанія дѣтства. Ребенокъ осуществляетъ свои желанія, даже самыя реальныя, въ грезахъ, во снѣ и наяву,—поскольку, конечно,

эти желанія не осуществились въ дѣйстви-
тельной жизни. Въ позднѣйшемъ возрастѣ
эта дѣятельность воображенія происходитъ
преимущественно во снѣ. Въ сновидѣніи же
взрослый человѣкъ сохраняетъ не только
дѣтскій характеръ мышленія, но и объекты
дѣтскаго мышленія. Дѣтскія желанія и пе-
реживанія находятся въ сферѣ безсознатель-
наго лишь въ мнимо „забытомъ“ состояніи.
Они какъ бы ждутъ здѣсь, когда индиви-
дуумъ испытаетъ новое переживаніе, анало-
гичное дѣтскому. Тогда это новое пережи-
ваніе ассимилируется прежнему. Дѣтское
воспоминаніе испытываетъ такимъ образомъ
усиленіе въ сферѣ безсознательнаго. До-
стигши извѣстной интенсивности, оно обна-
руживается у здороваго человѣка въ снови-
дѣніи, у невротическаго или психотическаго
индивидуума въ болѣзненныхъ явленіяхъ.
Для этого необходимы два условія: пониже-
ніе дѣятельности сознанія, каковое мы имѣ-
емъ во снѣ и при нѣкоторыхъ болѣзненныхъ
состояніяхъ, и какой-либо активный поводъ.
Въ общемъ, дѣтскимъ переживаніямъ и же-
ланіямъ не придаютъ обычно такого важнаго
значенія, какое придаю имъ я вмѣстѣ съ
Фрейдомъ. Утверждаютъ, что дѣтскіе инте-
ресы подавляются въ дальнѣйшей жизни
другими, совершенно иного свойства. Но
этотъ аргументъ, какъ мы увидимъ ниже,

совершенно неоснователенъ. До вышедшаго въ 1895 г. „Изслѣдованія истеріи“ Брейера и Фрейда роль дѣтскихъ переживаній и воспріятій совершенно не учитывалась. Несомнѣнная заслуга этихъ ученыхъ та, что они обратили вниманіе на значеніе дѣтскихъ переживаній. Въ послѣдующіе годы Фрейдъ все время развивалъ эту часть своего ученія. Его воззрѣнія на роль дѣтскихъ переживаній испытали, правда, съ тѣхъ поръ значительныя измѣненія, но послѣднія отнюдь не знаменуютъ собою отреченія отъ теоріи психическихъ инфантилизмовъ. То, что раннія дѣтскія переживанія имѣютъ столь сильное вліяніе на психическое развитіе индивидуума, можетъ быть объяснено чрезвычайно доказательно. Если ребенокъ испытываетъ многія переживанія, вызываемыя внѣшними причинами и не обусловленныя, слѣдовательно его индивидуальностью, то все же въ его психикѣ найдется не мало и другихъ, вытекающихъ именно изъ его натуры. Въ двухъ небольшихъ своихъ очеркахъ ¹⁾ я пытался доказать это относительно нѣкоторыхъ сексуальныхъ переживаній дѣтскаго возраста. Мы можемъ резюмировать выводы въ общемъ такъ: частью своихъ переживаній, быть мо-

¹⁾ *Абрагамъ*. „О значеніи сексуальныхъ сновидѣній дѣтскаго возраста для симптоматологіи dementia praecox“ и „Сексуальныя сновидѣнія“.

жетъ, самой яркой, ребенокъ обязанъ присущимъ ему врожденнымъ побужденіямъ. Къ этому присоединяется еще то, что ребенокъ въ раннемъ возрастѣ не привыкъ еще подчинять по этическимъ соображеніямъ свои желанія чужимъ, что его психика еще не притупилась и, слѣдовательно, воспріимчива еще для всякихъ впечатлѣній и что поэтому онъ реагируетъ на все съ чрезвычайной и ничѣмъ не сдерживаемой интенсивностью.

Съ воспоминаніями дѣтства ассимилируются позднѣйшія. Особенно на отодвинутыя дѣтскія желанія отлагаются легко желанія болѣе зрѣлаго возраста. Я напому здѣсь о дѣтской привязанности сына къ матери, объ его соперничествѣ съ отцомъ и о желаніяхъ, связанныхъ съ этими переживаніями. Активный гнѣвъ пробуждаетъ эти воспоминанія дѣтства, и они ищутъ выраженія въ сновидѣніи. Этотъ одинъ примѣръ вмѣсто многихъ другихъ покажетъ намъ, въ какомъ смыслѣ Фрейдъ называетъ сновидѣніе отрывкомъ пережитой душевной жизни дѣтства.

Въ сновидѣніи продолжается такимъ образомъ дѣятельность дѣтской фантазіи вмѣстѣ съ ея объектами. Тутъ сразу раскрывается аналогія миеа со сномъ. Миеа относится къ давно прошедшему періоду жизни народа, который мы смѣло можемъ назвать его дѣтствомъ. Основаніе такого сравненія легко

доказуемо. Выраженіе, употребляемое Фрейдомъ въ его „Толкованіи сна“ превосходно иллюстрируетъ положеніе вещей. Фрейдъ называетъ періодъ дѣтства, который мы помнимъ очень неясно, доисторическимъ временемъ въ исторіи индивидуума. Если наши воспоминанія объ этомъ времени очень туманны, то оно все же не прошло, не оставивъ въ насъ никакихъ впечатлѣній. Желанія, которыя были у насъ въ душѣ въ то время и которыя мы почти уже совершенно забыли, — не вполнѣ изгладились, а только отодвинулись и продолжаютъ жить въ нашихъ грезахъ. Все это примѣнимо и къ миѣамъ. Они относятся къ доисторическому вѣку народовъ, отъ котораго до насъ не дошло никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Они содержатъ отрывки воспоминаній изъ дѣтства народа. Можно ли, однако, перенести со сновидѣній на миѣ и теорію осуществленія желаній?

Я утверждаю это и, основываясь на фрейдовскомъ ученіи о снѣ, слѣдующимъ образомъ формулирую свое мнѣніе: миѣ есть отрывокъ пережитой духовной жизни дѣтства народа. Онъ содержитъ (въ замаскированной формѣ) дѣтскія желанія народа.

Мы уже познакомились съ важнѣйшими аргументами въ пользу этого воззрѣнія, когда сравнивали нѣкоторые миѣы съ „типическими“ сновидѣніями. Мы видѣли, что въ

миѣѢ объ Одиссеѣ точно такъ же, какъ въ нѣкоторыхъ сновидѣніяхъ, находитъ свое выраженіе дѣтская сексуальность. Изъ сексуальной симпатіи сына къ матери возникаютъ желанія, подвергающіяся, какъ и многія другія, отодвиганію. Воспитаніе человѣка есть не что иное, какъ вынужденное, систематическое отодвиганіе вынужденныхъ движеній души.

Въ раннюю пору жизни народы, когда господствовали еще естественныя отношенія, когда условность не принимала еще застывшихъ формъ, эти побужденія могли осуществляться. Позднѣйшая эпоха заглушила ихъ путемъ процесса, который мы имѣемъ полное основаніе сопоставить съ отодвиганіемъ у индивидуума. Но они не умерли вполне, а сохранились въ миѣѢ. Этотъ процессъ, который правильнѣе всего было бы назвать „массовымъ отодвиганіемъ“, повиненъ въ томъ, что народъ не понимаетъ теперь первоначальнаго смысла своихъ мифовъ, все равно какъ намъ трудно бываетъ понять истинный смыслъ сновидѣній¹⁾.

Народъ выражаетъ въ мифахъ, относящихся

¹⁾ То, что народъ не понимаетъ своихъ собственныхъ мифовъ, не можетъ быть объяснено тѣмъ, что онъ заимствовалъ ихъ отчасти у другихъ народовъ. Возможно, что онъ и позаимствовалъ ихъ только потому, что находилъ въ нихъ свои собственные „комплексы“. Кро-

къ его раннему дѣтству, повидимому, тѣ желанія, которыя онъ больше всего привыкъ отодвигать на задній планъ. Возьмемъ хотя бы библейское описаніе рая! Фрейдъ охарактеризовалъ его очень мѣтко: „Рай есть не что иное, какъ массовая фантазія о дѣтствѣ каждаго въ отдѣльности“. Преданіе особенно подчеркиваетъ, что Адамъ и Ева ходили нагіе и не стыдились этого. Мы знаемъ, что нравы евреевъ настоятельно требовали прикрытія наготы. Нарушеніе этого обычая особенно порицается въ библейскихъ разсказахъ. Къ массовой фантазіи о наготѣ первыхъ людей мы находимъ параллель опять-таки въ одномъ типическомъ сновидѣніи. Намъ всемъ нерѣдко снится, что мы ходимъ очень скудно одѣтые и бываемъ въ такомъ видѣ даже среди людей, которые, однако, не обращаютъ на нашу полунаготу никакого вниманія. Чувство страха, сопровождающее обычно это сновидѣніе, соотвѣтствуетъ усиленному отодвиганію дѣтскаго желанія явиться передъ людьми въ голомъ видѣ. Фрейдъ обстоятельно доказываетъ въ своемъ „Толкованіи сновидѣнія“ наличность въ этомъ сновидѣніи остатковъ дѣтской фантазіи. Онъ напоминаетъ о томъ, что дѣтямъ

мѣ того, каждый народъ модифицируетъ заимствованные мифы; онъ долженъ былъ бы понимать по крайней мѣрѣ смыслъ этихъ измѣненій; на самомъ дѣлѣ мы этого не видимъ.

доставляетъ большое удовольствіе ходить голыми или раздѣваться передъ другими дѣтьми или даже взрослыми. Есть люди, у которыхъ это дѣтское извращеніе полового чувства сохраняется въ ненормальномъ размѣрѣ и совершенно устраняетъ его нормальное проявленіе; это эксгибиціонисты.

Чрезвычайно строгая въ половомъ отношеніи этика евреевъ требовала, чтобы массовая фантазія о наготѣ была перенесена на самое раннее дѣтство рода человѣческаго. Греки, значительно меньше стыдившіеся наготы, не нуждались въ отнесеніи ея къ такой ветхой старинѣ. Фрейдъ обращаетъ вниманіе на то, что мифъ объ Одиссеѣ и Навзикаѣ трактуетъ ту же тему. Онъ проводитъ параллель между нею и вышеупомянутыми сновидѣніями.

Греческій мифъ о Прометѣѣ соотвѣтствуетъ библейскому преданію о созданіи первыхъ людей. Какъ мы видѣли, онъ отличается отъ него отсутствіемъ элемента, соотвѣтствующаго фантазій о наготѣ. Взамѣнъ него онъ содержитъ рассказъ о похищеніи огня, которому въ библейской исторіи коррелата нѣтъ. Мы должны изслѣдовать теперь, какія отодвинутыя массовыя фантазій или желанія нашли свое выраженіе въ греческой антропогоніи и далѣе, какое значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ похищеніе огня. Чтобы разрѣшить эту

задачу, мы должны заняться прежде всего нѣкоторыми общими свойствами миеа, что требуетъ въ свою очередь возвращенія къ теоріи сновидѣнія Фрейдъ.

Фрейдъ утверждаетъ, что всякое сновидѣніе эгоистично. Мы должны были вѣдь научиться подавлять всѣ наши эгоистическіе инстинкты. Должны были подавлять ихъ ради интересовъ большинства, по различнымъ соціальнымъ, семейнымъ и другимъ соображеніямъ. Когда же, на примѣръ, во снѣ, выходитъ наружу безсознательное, вмѣстѣ съ нимъ пробиваются и эти подавленные побужденія. Имъ приходится, правда, тщательно маскироваться: слишкомъ открытому выступленію ихъ воспротивилась бы цензура. Эгоизмъ сновидѣнія выражается въ томъ, что центромъ его служить всегда самъ грезящій субъектъ. Этого не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, будто субъектъ видитъ всегда во снѣ себя, какъ центръ всего сновидѣнія. Онъ очень часто слѣдитъ только за происходящимъ въ качествѣ зрителя. Но тогда исполнитель главной роли замѣняетъ опять таки его самого. Эта роль достается лицу, имѣющему съ грезящимъ субъектомъ какое-нибудь общее качество, переживаніе и т. п. Грезящій субъектъ отождествляетъ себя съ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ сновидѣнія. Такимъ образомъ создается видимость, будто главное

дѣйствующее лицо сновидѣнія есть въ то же время его центръ. Что и цѣль сновидѣнія—осуществленіе желаніе—тоже всецѣло эгоистично, мы видѣли уже выше. Въ равномъ смыслѣ эгоистичны и тѣ другія психическія явленія, которыя мы сопоставляли со сновидѣніемъ. Мы черезчуръ отвлеклись бы, если бы стали доказывать это, хотя бы для истерическихъ нервныхъ расстройствъ. Яснѣе всего это проявляется при хроническихъ душевныхъ болѣзняхъ, связанныхъ съ галлюнаціями. Психозъ также всецѣло эгоистиченъ. Больной всегда и при всякихъ условіяхъ—центръ всей системы своего помѣшательства. Его подвергаютъ различнымъ оскорбленіямъ, его преслѣдуютъ, онъ оплетенъ интригами и кознями, которыя всѣ чинятъ противъ него. Его хотятъ устранить его соперники; за нимъ слѣдитъ цѣлая армія сыщиковъ. Онъ—одинъ, одинокій и правый; ему объявилъ войну міръ несправедливости и зла. Онъ вступаетъ въ конфликтъ съ міромъ, противопоставляетъ ему себя. Такъ всякая манія преслѣдованія включаетъ въ себя манію величія. Психіатрія видитъ, впрочемъ, манію величія только въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ находитъ себѣ выраженіе опредѣленная идея величія. Будетъ правильнѣе поэтому, если мы въ этомъ болѣе широкомъ смыслѣ будемъ говорить о комплексѣ величія. Система помѣшатель-

ства душевно-больного напоминает своей конструкціей миоъ: душевно-больной прославляетъ въ немъ свое собственное величіе. Есть душевно-больные, которые утверждаютъ, что они знаменитые герои исторіи, напримѣръ, Наполеонъ или Бисмаркъ. Такой душевно-больной, находящій какое-либо сходство между собой и Наполеономъ, отождествляетъ себя съ нимъ,—совсѣмъ такъ же, какъ мы это дѣлаемъ обычно во снѣ. Психозу точно такъ же недостаетъ слова „подобно“, какъ и сновидѣнію. Коснувшись вопроса детальнѣе, мы найдемъ многочисленныя доказательства въ пользу правильности такого сравненія. Душевно-больные переносятъ, напримѣръ, часто свои бредовыя идеи, особенно идеи величія, на свое дѣтство. Я укажу хотя бы на бредовыя идеи о происхожденіи,—онѣ чрезвычайно любопытны для нашего дальнѣйшаго анализа миеа о Прометеѣ. Случаи такого рода извѣстны каждому психіатру. Пациентъ утверждаетъ, напримѣръ, что люди, имя которыхъ онъ носитъ, вовсе не его родители; въ дѣйствительности онъ сынъ князя, который по какимъ-то загадочнымъ причинамъ скрываетъ это и отдалъ его еще ребенкомъ на воспитаніе его „родителямъ“. Его враги хотятъ доказать, что онъ низкаго происхожденія, чтобы доказать не-

правильность его притязаній на корону или большое наслѣдство.

Эти бредовыя идеи о происхожденіи напоминаютъ намъ опять-таки дѣтскія грезы, въ которыхъ ребенокъ считаетъ себя принцемъ или королемъ и своими побѣдами затмеваетъ славу всѣхъ остальныхъ. Желаніе стать кѣмъ-либо выдающимся удовлетворяется фантазіей о царственномъ происхожденіи. Вѣдь въ дѣтской фантазіи принцъ только и предназначенъ природой къ тому, чтобы вызывать преклоненіе и восторгъ всего міра. Завѣтная мечта cadaго живого мальчика—это стать большимъ,—въ двоякомъ смыслѣ этого слова. Мнѣ лично кажется, что тотъ, кто въ зрѣломъ возрастѣ дѣйствительно дѣлаетъ что-либо особенное или хотя бы воображаетъ, что дѣлаетъ, у того въ дѣтствѣ несомнѣнно былъ комплексъ величія. Фантазіи, которыя бродили въ немъ въ дѣтствѣ, онъ впослѣдствіи забылъ. Комплексъ же, которому служили эти фантазіи, умираетъ лишь вмѣстѣ съ самимъ человѣкомъ. Если въ зрѣломъ возрастѣ онъ не находитъ свои желанія осуществленными, то, будучи даже здоровымъ, онъ переноситъ ихъ нерѣдко на дѣтство и становится *laudator temporis acti*.

Дѣтству народа этотъ комплексъ величія присущъ въ той же мѣрѣ, какъ и дѣтству дивидуума: въ „историческую эпоху“ наро-

да онъ также не пропадаетъ безслѣдно. Идентификація наблюдается также и въ миѳѣ. Народъ отождествляетъ себя съ героемъ послѣдняго.

Каждый народъ окружалъ начало своего существованія миѳомъ, изумительно напоминающимъ бредовыя идеи о происхожденіи душевно-больныхъ.

Каждый народъ хочетъ происходить отъ своего главнаго бога, хочетъ быть „созданнымъ“ имъ. Созданіе есть не что иное, какъ продолженіе рода лишенное сексуальнаго момента. Это съ поразительной ясностью слѣдуетъ изъ толкованія миѳа о Прометей, данаго Куномъ. Прометей „создаетъ“ людей; онъ же, какъ мы уже знаемъ, „бурящій“, „зарождающій“ и въ то же время богъ огня. Изъ Ведъ мы знаемъ о различныхъ жреческихъ кастахъ, находившихся въ услуженіи у бога огня Агни и ведшихъ свое происхожденіе отъ огня. Имена этихъ жреческихъ кастъ (ангиразы, бргу и пр.) означаютъ опять таки огонь, пламя. Такъ ведетъ человѣкъ свое происхожденіе отъ боговъ, которыхъ онъ самъ себѣ создалъ, отъ огня, который онъ произвелъ въ божество, отъ ясени, съ котораго снизошелъ къ нему огонь. Аскръ, ясень, въ норвежской сагѣ является праотцемъ рода человѣческаго. Такъ проэцировалъ человѣкъ въ первобытное время

комплексъ величія на небеса. Какіе же послѣ этого ничтожныя эпигоны наши душевнобольные, довольствующіеся происхожденіемъ отъ одного изъ великихъ міра сего, и мы сами, дѣлавшіе то же въ фантазіяхъ и грезахъ нашего дѣтства!

Миѣ о Прометѣѣ богатъ и другими примѣрами идентификаціи. Достаточно только напомнить отождествленіе бурящаго трута, молніи и человѣка.

Ветхозавѣтная исторія бытія представляетъ собою лишь мнимое исключеніе. Она не говоритъ, правда, что человѣкъ происходитъ отъ своего Бога-Творца. Богъ создаетъ человѣка по своему подобію; здѣсь во внѣшнемъ содержаніи преданія мѣсто идентификаціи занимаетъ сходство, подобіе. Родъ Израиля производится отъ праотцевъ. Сравнительно-миѣологическій анализъ показываетъ однако, что праотцы представляютъ собою преобразенныя фигуры изъ языческаго міра боговъ. Значить, первоначально и Израиль вель родъ свой отъ божественнаго существа. Воззрѣніе это должно было впослѣдствіи приспособиться къ монотеизму. Старые боги отступили на задній планъ передъ Единымъ Богомъ. Національная гордость должна была удовлетвориться возможно большей близостью праотцевъ къ Богу. Богъ вступаетъ въ ними въ личное общеніе, говоритъ съ ними и за-

ключаетъ даже союзъ, обязательный для ихъ потомковъ. И послѣдніе благодаря этому чувствуютъ опять таки близость къ Богу.

VI.

Дѣйствіе цензуры въ сновидѣніи и въ миѣ.

Мы уже познакомились съ понятіемъ цензуры. Если во снѣ отодвиганіе, производимое сознаніемъ, и не имѣетъ мѣста, то все же освобожденныя желанія не могутъ проявиться во всей своей полнотѣ. Цензура не позволяетъ отодвинутымъ представленіямъ проявиться въ ясныхъ, отчетливыхъ по смыслу словахъ, а облекаетъ ихъ въ странную, причудливую форму. Путемъ такого искаженія истинное (скрытое) содержаніе сновидѣнія превращается въ явное, очевидное. Скрытыя мысли подготавливаются, какъ показалъ Фрейдъ, уже въ бодрственномъ состояніи при помощи безсознательной дѣятельности мышленія. Сновидѣніе не создаетъ новыхъ мыслей, оно приспособливаетъ только къ требованіямъ цензуры мысли, подготовленныя въ бодрственномъ состояніи. Фрейдъ различаетъ четыре способа, по которымъ совершается эта работа. Мы должны теперь рассмотреть, происходитъ ли то же самое въ миѣ, имѣется ли тамъ такая же цензура и примѣняетъ ли миѣ тѣ же способы выра-

1) снѣжаніе
2) отодвиганіе 3) вторичная переработка

женія, какъ сновидѣніе. За образецъ мы возьмемъ опять таки мнѣ о Прометѣѣ, а кое-гдѣ коснемся еще и другихъ мнѣовъ.

Изъ отдѣльныхъ процессовъ дѣятельности сновидѣнія насъ интересуютъ прежде всего „слияніе“. Мы познакомились уже съ нимъ въ мнѣ о Прометѣѣ, но подробно его не касались, Намъ бросилось въ глаза, что мнѣ о Прометѣѣ, кажущійся на первый взглядъ такимъ примитивнымъ, даетъ въ нѣсколькихъ словахъ выраженіе цѣлому ряду мыслей и идей. Послѣднія образуютъ, какъ мы уже видѣли, скрытое содержаніе мнѣа. Одинъ элементъ явнаго содержанія сновидѣнія содержитъ зачастую не одну мысль, а нѣсколько. Совершенно также обстоитъ дѣло и въ мнѣѣ. Если немногія слова мнѣа содержатъ дѣйствительно всѣ тѣ мысли, которыя раскрываетъ намъ Кунъ, то каждое это слово имѣетъ, такъ сказать, особый смыслъ,—опять совершенно такъ же, какъ въ сновидѣніи. Толкованіе послѣдняго даетъ доказательство того, что выступающее въ сновидѣніи лицо можетъ заступать мѣсто нѣсколькихъ дѣйствительно существующихъ.

Человѣку снится, на примѣръ, очень часто, что одно изъ дѣйствующихъ лицъ сновидѣнія имѣетъ обликъ одного знакомаго ему человѣка, фигуру же, костюмъ и манеры—другого. Видящій сонъ сливается тѣмъ самымъ

этихъ двухъ лицъ воедино,—вѣроятно, потому, что они дѣйствительно сходятся или подобны другъ другу въ чемъ-либо важномъ. Каждое происшествіе въ сновидѣніи можетъ имѣть также различный смыслъ и, что важнѣе всего, не одинъ. При анализѣ сновидѣнія мы должны поэтому всегда принимать во вниманіе эту „многомысленность“.

Аналогичнымъ свойствомъ обладаютъ и элементы миеа. Греческій миеъ о Прометееъ обязанъ своей формой чрезвычайно искусному процессу сліянія. Фигура самого Прометея „слита“, какъ мы видѣли изъ анализа миеа, изъ трехъ возрѣній. По одному онъ—богъ огня, по другому—огонь, по третьему—человѣкъ. Изъ этихъ представленій и сложился, „вылился“ миеъ о Прометееъ. Штейнталь ¹⁾ резюмировалъ чрезвычайно удачно этотъ чрезвычайно важный выводъ изъ анализа Куна: „Спустившись съ неба въ качествѣ человѣка, богъ огня, въ качествѣ человѣка или бога, приносить себя самага, въ качествѣ бога или божественнаго элемента, на землю и въ качествѣ стихіи дарить себя себѣ самому въ качествѣ человѣка“. Кто при помощи метода Фрейда научился ана-

¹⁾ Штейнталь. Миеъ о Прометееъ въ его первоначальной формѣ. Стр. 9.

лизировать сновидѣнія, тому сразу станетъ ясно и очевидно внутреннее сходство сновидѣнія и миеа, обусловленное процессомъ „слиянiя“. Онъ увидить эти „слиянiя“ въ незначительныхъ на первый взглядъ, деталяхъ миеа,— въ самомъ видѣ, въ какомъ онъ встрѣчаетъ ихъ въ сновидѣнiяхъ. Анализъ Куна приводитъ для всѣхъ почти элементовъ миеа о Прометей, для каждаго отдѣльнаго символа доказательство ихъ „многосмысленности“. Я напому хотя бы только о томъ, какъ, на примѣръ, въ небесной птицѣ „слились“ различнѣйшія символическія функціи.

Процессу „слиянiя“ обязаны своимъ происхожденіемъ любопытныя словообразованiя сновидѣнія. Фрейдъ въ своемъ „Толкованiи сновидѣнія“ (стр. 202 сл.) приводитъ интересные примѣры этого рода наряду съ ихъ толкованіемъ. Аналогичныя словообразованiя мы наблюдаемъ у душевнобольныхъ ¹⁾.

Однако, и здоровый человѣкъ допускаетъ ихъ въ бодрственномъ состоянiи, особенно когда онъ дѣлаетъ „обмолвку“. Примѣры эти въ большомъ количествѣ собраны въ другой книгѣ Фрейда ²⁾. Я приведу изъ нихъ только одинъ:

„Молодой человѣкъ говоритъ своей сестрѣ:

¹⁾ Юнгъ. Психологія dementia praecox.

²⁾ „Психопатологія повседневной жизни“. М. 1911. К-во „Совр. Проблемы“. Стр. 51.

съ семействомъ Д. я окончательно разсорился, я уже не раскланиваюсь съ ними. Она отвѣчаетъ: überhaupt eine saubere Lippschaft— вмѣсто Sippschaft („вообще, чистенькая семейка“); въ ошибкѣ этой выражены двѣ вещи: во-первыхъ, братъ ея когда-то началъ флиртъ съ одной дѣвицей изъ этой семьи, во-вторыхъ, про эту дѣвицу рассказывали, что въ послѣднее время она завела серьезную и недозволенную любовную связь (Liebschaft)“.

Тѣ же словообразованія допускаемыя индивидуумомъ „по ошибкѣ“ и наблюдаемыя имъ во снѣ, имѣются и въ миѣ о Прометѣ. Прамантъ-(Прометей) создаетъ при помощи тренія огонь и—человѣка; по другой верси, онъ похищаетъ огонь, чтобы дать его человѣку. Оба эти представленія слиты, въ словѣ „Праманта“. Прамантъ—значить „создающій при помощи тренія“ и въ то же время „похищающій огонь“. Это сліяніе возможно благодаря созвучію существительнаго matha (мужской половой органъ ср. лат. mentula) и глагольному корню math (братъ, похищать).

VII.

Отодвиганіе и вторичная переработка въ снови- дѣніи и миѣ.

Процессомъ сліянія объясняются громадныя различія между скрытымъ и явнымъ содер-

жаніемъ сновидѣнія и міеа. Вторымъ методомъ, которымъ пользуется наше безсознательное мышленіе для искаженія истиннаго содержанія сновидѣнія, является „отодвиганіе“, названное такъ Фрейдомъ. Этотъ процессъ имѣетъ также аналогію въ міеѣ. По причинамъ, о которыхъ рѣчь будетъ нѣсколько ниже, я рассматриваю отодвиганіе вмѣстѣ съ третьимъ процессомъ: „вторичной переработкой“.

Начавъ нашъ анализъ сходства сновидѣнія и міеа, мы задались цѣлью установить прежде всего основаніе для такого сопоставленія. Два возраженія мы опровергли съ легкостью, третій же оставляли пока безъ отвѣта. Сейчасъ мы должны вернуться къ нему. Намъ могутъ возразить, что согласно новѣйшимъ изслѣдованіямъ міеѣ претерпѣлъ значительныя измѣненія, прежде чѣмъ достигъ той формы, въ которой дошелъ до насъ, между тѣмъ какъ сновидѣніе представляетъ собою лишь расплывчатую, мгновенную грезу. Но это различіе лишь кажущееся. Содержаніе сновидѣнія также подготавливается въ теченіе продолжительнаго времени. Сравнивъ періоды жизни человѣка и народа, мы нашли, что какъ сновидѣніе, такъ и міеѣ коренятся въ „доисторическомъ“ періодѣ. Мы видѣли, что составныя части сновидѣнія подготавливаются еще въ бодрствennomъ состо-

яніи. Къ этому мы можемъ добавить еще слѣдующее. Развитие сновидѣнія не заканчивается вмѣстѣ съ пробужденіемъ субъекта. Борьба сновобразующихъ представленій и желаній съ цензурой продолжается. Когда мы стараемся вызвать сновидѣніе въ памяти, особенно же, когда хотимъ рассказать его другому лицу, цензура, продолжая свою работу производить дальнѣйшія измѣненія, стремясь довершить полное искаженіе истиннаго, скрытаго содержанія сновидѣній. Это и есть „вторичная переработка“ ¹⁾, названная такъ опять таки Фрейдомъ. Она есть не что иное, какъ продолженіе процесса отодвиганія, совершавшагося во снѣ. Оба процесса по существу своему одинаковы и служатъ одной и той же цѣли. Они передвигаютъ содержаніе и аффектъ сновидѣнія. Элементы, имѣющіе важное значеніе въ идеѣ сновидѣнія, получаютъ въ послѣднемъ второстепенную роль, между тѣмъ какъ все незначительное выдвигается на первый планъ. Тѣмъ самымъ совершается, какъ говоритъ Фрейдъ, полная „переоцѣнка всѣхъ цѣнностей“ въ сно-

¹⁾ Я упоминаю здѣсь только о тѣхъ формахъ вторичной переработки, которыя употребляются при попыткахъ воскрешенія сновидѣнія въ памяти; онѣ особенно важны для аналогій съ миеомъ. Другихъ формъ вторичной переработки, оказывающихъ вліяніе на сновидѣнія, я не касаюсь.

видѣніи. Несущественное занимаетъ вмѣсто важнаго центръ вниманія; аффектъ, связанный съ идеей сновидѣнія, также передвигается съ наиболѣе существеннаго на второстепенное. То же повторяется и при вторичной переработкѣ. Критическія части сновидѣнія подвергаются вторичному передвиганію послѣ пробужденіи особенно легко и быстро, что и затрудняетъ вызваніе ихъ въ памяти. Аффектъ тоже претерпѣваетъ при этомъ модификацію, аналогичную первой.

Если въ основѣ сновидѣнія лежалъ комплексъ сильнаго эмоціональнаго характера, то этотъ комплексъ проявляется обычно снова въ ту же или въ послѣдующую ночь въ дальнѣйшихъ сновидѣніяхъ. Послѣднія содержатъ въ себѣ то же осуществленіе желаній, какъ и первое; они пользуются только другими средствами выраженія, другими символами и новыми ассоціаціями. Ярко выраженный комплексъ можетъ проявляться въ теченіе очень продолжительнаго времени въ формѣ постоянно повторяющагося сна. Въ этомъ отношеніи достаточно напомнить только о разобранныхъ нами типическихъ сновидѣніяхъ,—напримѣръ, о типическомъ дѣтскомъ сновидѣніи о наготѣ. Типическія сновидѣнія опять таки служатъ намъ здѣсь переходомъ къ миѳу. Mutatis mutandi замѣчаемъ мы аналогичный психологическій процессъ въ томъ,

что одно и то же сновидѣніе сопровождаетъ индивидуума въ различные періоды его жизни и измѣняется при этомъ постепенно путемъ включенія въ себя новыхъ элементовъ, и что и миоъ претерпѣваетъ постепенныя модификаціи въ различные періоды жизни народа.

Рискованно предположить, что фактически это всегда один и тот же процесс, но с течением времени.

Періоды развитія миоа, понятно, бесконечно продолжительнѣе, нежели таковыя же сновидѣнія. Кромѣ того, стараясь истолковать какое-либо сновидѣніе, мы всегда можемъ получить свѣдѣнія о сомнительныхъ пунктахъ у субъекта, его видѣвшаго. Анализъ же миоа представляетъ собой чрезвычайно сложную и трудную работу, потому что намъ приходится путемъ различныхъ сравненій и комбинацій проникать въ сущность психологической формы, возникшей нѣсколько тысячелѣтій назадъ. Въ виду такой отдаленности времени лишь въ немногихъ, особенно благопріятныхъ случаяхъ намъ удастся установить, какая часть процесса отодвиганія относится къ эпохѣ созданія миоа и какая къ позднѣйшему времени, когда миоъ изустно повторялся изъ поколѣнія въ поколѣніе. Новые поколѣнія имѣли и новые взгляды. Когда преданіе переставало соотвѣтствовать этимъ взглядамъ, люди предпринимали „вторичную переработку“ миоа. Мы не должны упускать изъ виду и того глубокаго вліянія, которое

оказываетъ на миѳологію одного народа миѳы другого, сосѣдняго съ нимъ. Въ виду всего этого съ нашей стороны было бы ошибочно предпринимать въ каждомъ миѳѣ искусственное раздѣленіе процесса отодвиганія и вторичной переработки. Поэтому говоря въ дальнѣйшемъ о процессѣ передвиганія въ миѳѣ, мы не будемъ касаться вопроса, носитъ ли онъ первоначальный или вторичный характеръ.

VIII.

Процессъ передвиганія въ миѳѣ о Прометѣѣ и въ библейскихъ сказаніяхъ о Моисеѣ и Самсонѣ.

Съ послѣдствіями процесса передвиганія въ миѳѣ мы не разъ уже встрѣчались въ предыдущемъ изложеніи, но не обращали на нихъ до сихъ поръ особаго вниманія. Греческій миѳъ о Прометѣѣ носитъ явные слѣды такого процесса передвиганія. Какъ мы узнали изъ изслѣдованія Куна, миѳъ этотъ относится къ той эпохѣ, которая не почитала еще силъ природы въ формѣ человѣкоподобныхъ боговъ. вмѣстѣ съ постепенно развивавшейся персонификаціей боговъ появились Агни и Матарихванъ. Первый далъ—огонь, богъ огня; второй—богъ, создающій огонь при помощи тренія. Онъ возвращалъ, отыскивалъ Агни, когда тотъ скрывался. Первоначально обѣ

эти фигуры нераздѣльны; Матарихванъ не что иное сперва, какъ прозвище Агни; лишь въ послѣдствіи онъ отдѣляется отъ него, въ качествѣ самостоятельнаго существа.

Матарихванъ, соотвѣтствующій греческому Прометею, былъ такимъ образомъ добыватель огня. Въ греческомъ миѳѣ онъ становится похитителемъ огня. Онъ добываетъ человѣку огонь съ неба противъ воли боговъ и терпитъ за это наказаніе. Прометей долженъ подчиняться волѣ Зевса; въ этомъ заключается важнѣйшій процессъ передвижанія въ миѳѣ. Первоначальному миѳу, въ которомъ Матарихванъ - Прометей возвращаетъ Агни, недостаетъ элемента аффекта въ формѣ порицанія за этотъ поступокъ. Греческая версія миѳа производитъ это аффективное передвижаніе. Прометей, нарушающій волю боговъ, становится тѣмъ самымъ представителемъ человѣка, который въѣдъ тоже достаточно часто возстаетъ противъ велѣній боговъ. Благодаря этой модификаціи миѳа, утратился первоначальный смыслъ имени Прометея-Праманта. Древняя, наивная эпоха называла его „зарождающимъ“, „создающимъ при помощи тренія“. Возрѣніе это претерпѣло процессъ передвижанія, и въ результатъ народъ забылъ совершенно смыслъ имени. Онъ сталъ теперь означать: „пекущійся“, „заботящійся“. Въѣдъ онъ принесъ своимъ созданіямъ огонь и тѣмъ

честно заслужилъ такое имя! Превращеніе имени „Праманта“ въ „Прометей“ и связанная съ этимъ модификація его смысла представляетъ чрезвычайно яркій примѣръ процесса передвиганія.

Процессъ передвиганія въ миѳѣ о Прометеевъ приобрѣтаетъ еще значительно больший интересъ, если мы обратимся къ другой части изслѣдованія Куна. Наряду съ миѳомъ о происхожденіи огня Кунъ разбираетъ родственный съ нимъ миѳъ о происхожденіи божественнаго напитка. Анализъ и доказательство общности источниковъ обоихъ этихъ миѳовъ отвлекли бы насъ далеко отъ нашей темы. Мы ограничимся поэтому лишь тѣмъ указаніемъ, что поводъ къ установленію общности между миѳомъ объ огнѣ и миѳомъ о божественномъ напиткѣ былъ данъ общимъ происхожденіемъ изъ облака, молніи и дождя. Насъ интересуетъ здѣсь главнымъ образомъ одинъ выводъ сравнительной миѳологии: Прометею греческаго (и индогерманскаго) мѳеа соотвѣтствуетъ въ Библии Моисей. Если мы сравнимъ законодателя Моисея съ огненосцемъ Прометеемъ на основаніи повѣствованія Ветхаго Завѣта и сочиненія Эсхила, то найдемъ между ними весьма мало общаго. Сказаніе о Моисеевъ носить, однако, какъ и миѳъ о Прометеевъ, слѣды весьма значительнаго передвиганія. Мы должны строго разли-

чать миөического Моисея отъ библейскаго. Библейскій Моисей поднимается, подобно Прометею, на небо и приносить законъ, — какъ тотъ огонь. Онъ поднимается при громѣ и молніи; здѣсь снова мы видимъ грозу. Не случайность и то, что законъ именуется „пламеннымъ“. Моисей—вѣрный слуга единого Бога; въ то время какъ Прометей изъ-за похищенія огня вступаетъ съ богами въ конфликтъ, Моисей принимаетъ законъ отъ Бога: возможность конфликта тѣмъ самымъ исключается. Неповиновеніе Моисея велѣніямъ Бога встрѣчается въ другомъ мѣстѣ. Герой языческаго миөа добываетъ воду изъ облака при помощи огня—молніи. Моисей вооруженъ подобіемъ молніи языческаго миөа: посохомъ,—символомъ, часто встрѣчающимся въ различнѣйшихъ сказаніяхъ. Посохомъ этимъ онъ въ пустынѣ добываетъ изъ скалы воду,—вопреки велѣнію Бога. За неповиновеніе онъ терпитъ наказаніе: не можетъ вернуться въ обѣтованную землю. Такимъ образомъ Моисей не похищаетъ воду, а только ударяетъ скалу и добываетъ изъ-нея воду. Согласно велѣнію Бога онъ долженъ былъ говорить со скалой; нетерпѣніе заставило его ударить скалу. Процессъ передвижанія здѣсь чрезвычайно сложенъ. Не достаточно того, что Моисей, простой человѣкъ, становится слугою Бога,—онъ не совершаетъ даже

похищенія, какъ Прометей, а только отъ не-терпѣнія добываетъ обѣщанную ему воду. Тѣмъ самымъ вина Моисея передвигается на относительно небольшой проступокъ. Одновременно это повышаетъ и всемогущество Бога: даже небольшой грѣхъ не проходить ни для кого безнаказанно.

Здѣсь открывается для насъ любопытная перспектива относительно возникновенія нѣкоторыхъ болѣзненныхъ идей. Аналогичный процессъ передвиганія, называемый Фрейдомъ „транспозиціей“, встрѣчаемъ мы въ возникновеніи навязчивыхъ представленій. По изслѣдованіямъ Фрейда, навязчивыя представленія коренятся въ самоупрекахъ пациента, относящихся къ запретной половой жизни. Пациентъ старается высшей корректностью въ другой области компенсировать то, въ чемъ онъ, по его мнѣнію, согрѣшилъ въ половомъ отношеніи, какъ - будто онъ дѣйствительно провинился въ чемъ-нибудь въ этой индифферентной области.

Я уже указывалъ на аналогичный процессъ при душевныхъ заболѣваніяхъ (*dementia praecox*, меланхолія) ¹⁾ Бредовыя идеи этихъ больныхъ тоже въ большинствѣ случаевъ сводятся къ самоупрекамъ сексуальнаго характера. Пациенты переносятъ частую чувство вины съ этихъ половых вос-

¹⁾ Абрагамъ. Сексуальныя сновидѣнія. 1907.

поминаній на какой-либо незначительный проступокъ въ другой области. Ихъ невозможно освободить отъ этого представленія. Если примѣнить воззрѣнія Фрейда и къ этимъ состояніямъ, то поведеніе такихъ пациентовъ будетъ вполне понятно. Они хотятъ отстранить отъ себя чувство вины.

Процессъ передвижанія, обнаруживающійся въ повѣствованіи о Моисеѣ, встрѣчается очень часто въ Ветхомъ Завѣтѣ. Мы находимъ тамъ много, первоначально языческихъ миоовъ, которые по мѣрѣ того, какъ народъ все больше и больше склонялся къ монотеизму, переходили на службу къ новой религіи и съ этой цѣлью должны были претерпѣвать процессы передвижанія. Что переходъ съ монотеизму совершился лишь постепенно и не безъ борьбы, объ этомъ свидѣлствуютъ всѣ книги Ветхаго Завѣта.

Чрезвычайно характеренъ въ этомъ отношеніи рассказъ о Самсонѣ. Мы имѣемъ прекрасную работу, посвященную этому вопросу. ¹⁾ Я привожу здѣсь нѣсколько выводовъ, полученныхъ Штейнталемъ, такъ какъ они даютъ тѣ же результаты, что и анализъ миеа о Прометееѣ.

Самсонъ, какъ явствуетъ и этимологически изъ его имени,—это богъ солнца древнихъ семитовъ, онъ соотвѣтствуетъ Геркулесу индо-

¹⁾ Штейнталь. Сказаніе о Самсонѣ.

германской мифологіи. Послѣдній также богъ (или герой) солнца. Мифъ о Геркулесѣ во многомъ напоминаетъ рассказъ о Самсонѣ. У Самсона длинные волосы, какъ у Аполлона. Послѣдній—богъ солнца, согревающий, созидающій богъ; высшей силы своей онъ достигаетъ днемъ и лѣтомъ. Зима и ночь—его естественные враги; они находятъ свою персонификацію въ богинѣ луны. Когда вечеромъ солнце садится, богъ солнца, по распространенному у многихъ народовъ представленію, спасается бѣгствомъ отъ преслѣдующей его богини луны. Когда лѣтомъ его сила и власть достигаютъ высшихъ предѣловъ, онъ все же непрочно: съ поворотомъ солнца онъ снова теряетъ ихъ. Онъ терпитъ пораженіе отъ богини зимы и ночи, какъ сильный мужчина отъ женщины. Самсонъ изображенъ въ Книгѣ Судей слабымъ по отношенію къ женщинѣ. Весьма вѣроятно, что Далила олицетворяетъ богиню ночи и зимы. Самсонъ лишается своей силы, утрачивая волосы: богъ солнца теряетъ лучи. Но подобно тому, какъ солнце послѣ зимы вновь приобретаетъ свою силу, такъ у Самсона опять вырастаютъ волосы, и онъ опять становится сильнымъ; правда, только на короткое время. Онъ ищетъ смерти и находитъ ее на торжествѣ, которое устраиваютъ его враги, филистимляне, въ честь своего бога Дагона. Дагонъ же—безплодный

богъ моря и пустыни, въ миөъ—сила, противоположная богу солнца и потому ему враждебная.

Самсонъ, герой и богъ солнца, убиваетъ себя. Этотъ эпизодъ мы находимъ опять-таки къ родственныхъ миөахъ. Въ библейскомъ разсказѣ самоубійство Самсона, кромѣ какъ на празднествѣ Дагона, встрѣчается еще разъ, правда, въ очень скрытой формѣ. Богъ солнца совмѣщаетъ въ себѣ двѣ противоположныя тенденции. Онъ, съ одной стороны, богъ со- грѣшающій, зарождающій жизнь; съ другой же—грозный, палящій, сжигающій.

Въ качествѣ послѣдняго онъ олицетворяется въ символѣ льва: подъ знакомъ льва солнце достигаетъ лѣтомъ наивысшей силы. Подобно тому какъ Агни и Матарихванъ, будучи первоначально слиты воедино, распадутся въ послѣдствіи на двѣ противоположныя силы, такъ и палящій солнечный зной—подъ символомъ льва—отдѣляется отъ благословеннаго бога солнца. Первый подвигъ Самсона и первый же подвигъ Геркулеса—побѣда надъ львомъ. Добрый богъ солнца убиваетъ подъ видомъ льва грознаго бога, а тѣмъ самымъ и себя самого.

Чрезвычайно сложный процессъ передви- ганія сдѣлалъ изъ бога солнца Самсона. Послѣднему присущи лишь немногія непонятныя сами по себѣ черты его первоначальнаго облика: сила, заключающаяся въ волю-

сахъ, слабость по отношенію къ женщинѣ и самоубійство.

IX.

Средства изображенія въ миѣѣ.

Найдя въ миѣѣ вполне очевидные слѣды процессовъ сліянія и передвиганія, свойственные сновидѣнію, мы должны изслѣдовать теперь послѣднюю сторону сновидѣнія и ея аналогію въ миѣѣ. Не всѣ представленія допускаютъ свое выраженіе въ сновидѣніи; то же нужно сказать и о миѣѣ. Тутъ есть, правда, различіе: сновидѣніе драматизируетъ, между тѣмъ какъ миѣѣ имѣетъ форму эпоса. Тѣмъ не менѣе и сновидѣніе и миѣѣ должны одинаково соображаться съ технической способностью воспроизведенія и выраженія своего матеріала. Сновидѣніе должно, напри-мѣръ, находить для абстрактнаго образное выраженіе. Для этой цѣли берутся обычно фигуральные обороты рѣчи и примѣняются въ буквальномъ ихъ смыслѣ. Въ одномъ со-общенномъ Фрейдомъ сновидѣніи женщина, видящая его, хочетъ выразить, что любимый ею музыкантъ „на цѣлую башню“ выше всѣхъ другихъ. ¹⁾ Во снѣ она видитъ въ концерт-

¹⁾ „На цѣлую башню“ выше—буквальный переводъ нѣмецкаго фигуральнаго выраженія „turmhoch“. По-русски мы имѣемъ соответствующее выраженіе, хотя и болѣе слабое: „головой выше“ *Прим. перев.*

номъ залѣ высокую башню; на вершинѣ ея стоитъ музыкантъ и дирижируетъ. Логическіе обороты нашей рѣчи также не передаваемы во снѣ. Двойной союзъ „или—или“ выражается въ сновидѣніи въ самой различной формѣ. Одна изъ нихъ—изображеніе цѣлаго ряда возможностей; всѣ они изображаются въ конкретной формѣ и слѣдуютъ другъ за другомъ, какъ бы для выбора. Другой способъ я испыталъ самъ. Различныя возможности, выражающія логическій образъ рѣчи „или—или“, изображается не въ одномъ сновидѣніи, а въ нѣсколькихъ. Сновидѣнія одной и той же ночи служатъ выраженіемъ, какъ мы видѣли, одного и того же осуществленія желанія. Мнѣ лично по опыту кажется, что нѣсколько сновидѣній въ одну ночь сопоставляютъ иногда цѣлый рядъ различныхъ возможностей осуществленія желанія и тѣмъ самымъ служатъ выраженіемъ оборота „или—или“. Въ одномъ случаѣ это толкованіе показалось мнѣ особенно правдоподобнымъ. Одна дама, собиравшаяся вскорѣ выйти замужъ, но опасавшаяся различныхъ осложненій и препятствій къ своему браку, рассказала мнѣ однажды пять сновидѣній, видѣнныхъ ею въ одну ночь. Благодаря знанію условій ея жизни, мнѣ удалось установить, что въ этихъ пяти сновидѣніяхъ наши свое выраженіе всѣ возможныя пер-

спективы будущаго. Видѣвшая эти сны скрывала себя и своего жениха въ каждомъ сновидѣніи за другимъ знакомымъ лицомъ, находившимся въ ситуациі, которая соотвѣтствовала данному сну. Чрезвычайно интересно было при этомъ обильное использование дѣтскаго матеріала. Совершенно такъ же обстоитъ дѣло и съ мифами. Народъ вкладываетъ одно и то же желаніе въ самые различные мифы. Мы видимъ тутъ одну изъ причинъ внутренней связи и сродства многихъ мифовъ. Если желаніе обладаетъ особой силой, то оно находитъ себѣ выраженіе въ различныхъ мифахъ. Каждое выраженіе въ отдѣльности рисуетъ его съ новой стороны. Здѣсь достаточно указать хотя бы на двѣ идущія параллельно библейскія исторіи сотворенія міра.

Тѣсная связь между двумя элементами сновидѣнія нерѣдко выражается тѣмъ, что оба эти элемента (или ихъ символы) ставятся другъ подле друга въ явномъ содержаніи сновидѣнія. То же самое находимъ мы въ мифѣ. Въ мифѣ о Прометѣѣ трутъ всегда подле диска; въ исторіи сотворенія міра въ такомъ же близкомъ сосѣдствѣ змѣя и яблоко. Мифъ о Прометѣѣ показываетъ намъ, кромѣ того, очень наглядно, какъ одно лицо можетъ олицетворяться нѣсколькими симво-

лами: Прометей—одновременно и труть и молнія.

Самыя большія требованія къ изобразительной технике предъявляетъ, однако, желаніе обойти цензуру. О символическомъ замаскированіи мы уже говорили. Въ миөъ о происхожденіи огня мы находимъ символическія описанія мужскихъ половыхъ органовъ и функцій зарожденія жизни. Это напоминаетъ намъ сиволику сновидѣнія. Труть, буравъ или другое аналогичное орудіе—часто наблюдающійся въ сновидѣніи символъ половыхъ органовъ мужчинъ. Сновидѣнія женщинъ, рисующія, какъ онѣ падаютъ жертвой пронзающихъ ихъ ножомъ мужчинъ, содержатъ весьма прозрачное осуществленіе желаній. Въ другихъ сновидѣніяхъ роль мужского символа исполняетъ мечъ, дерево или другое соотвѣтствующее по формѣ растеніе.

Женскій символъ тоже на лицо въ миөъ. Это солнечный дискъ или облако, въ отверстіи котораго движется Праманта или молнія; или же, наконецъ, пещера, въ которой скрывается Агни.

Огонь изображается въ миөъ о Прометеѣ въ троякой формѣ: какъ огонь небесный, какъ земной и какъ огонь жизни. Во снѣ огонь означаетъ очень часто сексуальное пламя, любовь. Такъ какъ Прометей—богъ

созидающій, то мы смѣло можемъ говорить о четвертой формѣ огня—огнѣ любви.

Х.

Осуществленія желаній въ миѣ о Прометѣ.

Убѣдившись въ томъ, что цензура и другіе процессы, наблюдающіеся въ сновидѣніи, имѣютъ полную свою аналогію въ миѣ, мы можемъ вернуться теперь къ вопросу о наличности въ миѣ о Прометѣ осуществленія желаній. Необходимо изслѣдовать, что скрывается тамъ подъ символической завѣсой. Мы увидимъ, что и въ этой части нашего пути мы не сумѣемъ обойтись безъ помощи теоріи толкованія сновидѣній Фрейда. Одинъ опытъ въ этомъ направленіи произвели сами греки. Содержаніе миѣа стало имъ самимъ непонятнымъ; имя героя его можно было, впрочемъ, модифицировать такъ, что оно стало означать нѣчто. Праманта превратился въ „заботящагося“, „пекущагося“. Такая полубожественная фигура была очень къ мѣсту. Ея наличность отвѣчала извѣка присущему человѣчеству желанію: имѣть какое-либо заботящееся о немъ существо. Въ наименованіи „заботящійся“ выражено несомнѣнно желаніе. Мы знаемъ, однако, что этотъ смыслъ былъ приданъ миѣу лишь при „вторичной

переработкѣ“ и что символика мѣа о Прометѣ совершенно ему не соотвѣтствуетъ. Это напоминаетъ намъ аналогичное явленіе въ психологіи сновидѣнія. Нерѣдко желаніе, какъ элементъ сновидѣнія, очевидно съ перваго взгляда. Субъектъ въ такихъ случаяхъ готовъ всегда признать это желаніе фактически существующимъ. Но возникаетъ вопросъ: къ чему же была въ такомъ случаѣ вся дѣятельность сновидѣнія, разъ желаніе, замаскированію котораго она должна служить, такъ явно и очевидно? Если произвести, однако, детальный анализъ сновидѣнія, то оказывается, что позади очевиднаго желанія скрывается еще одно „отодвинутое“, обнаруживающее какую-либо аналогію съ первымъ. Очевидное желаніе образуетъ, такъ сказать, верхній слой сновидѣнія; подъ нимъ расположено другое желаніе, „отодвинутое“. На этомъ однако, анализъ нашъ не кончается. Во многихъ случаяхъ удается констатировать наличность еще третьяго слоя. Этотъ наиболѣе глубокій слой сновидѣнія (а также и психоза) слугается всегда изъ рудиментовъ дѣтскихъ желаній.

Такое же распредѣленіе слоевъ имѣется и въ мѣѣ о Прометѣ. Изъ изслѣдованія Купа мы знаемъ, что древнѣйшій слой мѣа изображалъ идентификацію человѣка съ огнемъ, возникновеніе человѣка съ возникновеніемъ

огня. Второй слой соотвѣтствуетъ болѣе позднему міровоззрѣнію, знавшему уже боговъ. Въ этомъ наслоеніи міѳа богъ-огня въ то же время и человѣкъ-богъ, производящій человѣка. Въ третьемъ, позднѣйшемъ слоѣ Праманта уже больше не „производитель“, а создатель человѣка, заботящійся и пекущійся о немъ.

Содержащееся въ этомъ послѣднемъ слоѣ желаніе нами уже разобрано. По аналогіи съ сновидѣніемъ мы имѣемъ основаніе ожидать, что оба болѣе раннихъ слоя также содержать въ себѣ какія-либо желанія. Желаніе, нашедшее себѣ выраженіе въ второмъ слоѣ, намъ впрочемъ уже тоже извѣстно. Человѣкъ ведетъ свое происхожденіе отъ божественнаго существа и самъ вслѣдствіе этого божествененъ. Онъ отождествляетъ себя съ Прамантой. Мы можемъ доказать, что тутъ выражается та же тенденція, что и въ дѣтскихъ грезахъ индивидуума, которыя мы объясняли наличностью комплекса величія. Желаніе во второмъ слоѣ міѳа о Прометѣѣ можно было бы выразить такъ: мы хотимъ вести свое происхожденіе отъ божественнаго существа и хотимъ быть сами божественными; каждый изъ насъ—Праманта. Я обращаю вниманіе на то, что это желаніе содержитъ въ себѣ безспорные сексуальные элементы. Если однако эта сексуальность во второмъ слоѣ представляетъ собою элементъ сравнительно второстепенный,

то въ самомъ глубокомъ слоѣ мы находимъ уже чисто сексуальное содержаніе, явное осуществленіе желанія въ сексуальной сферѣ. Второй слой отличается отъ древнѣйшаго сильнымъ развитіемъ отодвиганія сексуальныхъ представленій.

Символика древнѣйшаго слоя носитъ рѣзко выраженный сексуальный характеръ; она служитъ выраженіемъ сексуальному комплексу величія. Человѣкъ отождествляетъ свою способность къ продолженію рода со способностью трута вызывать появленіе огня изъ деревяннаго диска. Древнѣйшая форма мифа о Прометѣѣ есть апоэозъ воспроизводительной силы человѣка.

Выше мы старались доказать, что сексуальность—это сокровеннѣйшій элементъ въ существѣ человѣка. Старое, традиціонное возрѣніе, будто дѣтскій возрастъ въ половомъ отношеніи индифферентенъ, чрезвычайно ошибочно. Я не имѣю здѣсь, конечно, въ виду случаевъ ненормально-ранней половой зрѣлости. Благодаря, главнымъ образомъ, изслѣдованіямъ Фрейда ¹⁾ мы должны признать, что половая жизнь налицо уже въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ; ребенокъ, понятно не сознаетъ ее, какъ таковую, и она сама чрезвычайно отличается отъ половой жизни

¹⁾ „Три очерка сексуальной теоріи“.

зрѣлаго, здороваго индивидуума. Въ ребенкѣ очень рано пробуждается сексуальная любознательность, направляющаяся главнымъ образомъ на половыя различія, дѣторожденіе и т. п. Каждый ребенокъ—одинъ раньше, другой позже—спрашиваетъ: откуда я появился? То, что онъ слышитъ въ отвѣтъ и узнаетъ по этому поводу, даетъ его воображенію богатую пищу. Интересъ къ сексуальнымъ явленіямъ у подрастающаго ребенка невѣроятно великъ. Неожиданно полученное разъясненіе влечетъ за собой нерѣдко чрезвычайно бурныя и острыя душевныя переживанія. Въ равной мѣрѣ и первые фізіологическіе признаки половой зрѣлости, которыя ребенокъ замѣчаетъ на себѣ самомъ, вызываетъ зачастую страхъ и даже отвращеніе. Мы уже не разъ говорили о томъ, что болѣзненные представленія проистекаютъ изъ дѣтскихъ фантазій. Нашли мы также и полную аналогію между этими патологическими продуктами и мѣрами. Представленія, основанныя на дѣтской сексуальной любознательности, встрѣчаются врачу довольно часто, когда онъ при помощи психоаналитическаго метода проникаетъ въ душевную жизнь психически разстроенныхъ лицъ. Я отсылаю интересующихся этимъ вопросомъ къ анализу Фрейдъа одного случая параноиднаго

душевнаго разстройства¹⁾. Чрезвычайно важное значеніе имѣеть сексуальная любознательность въ области психическихъ навязчивыхъ идей. Больные помимо воли своей размышляютъ о такихъ трансцендентальныхъ вопросахъ, какъ происхожденіе бога и вселенной, или же ломаютъ себѣ голову надъ тѣмъ, почему то или другое въ мірѣ такъ, а не иначе. Одинъ случай изъ моей собственной практики, который я постараюсь изложить здѣсь вкратцѣ, покажетъ, какое значеніе у невротически расположенныхъ субъектовъ имѣеть сексуальная любознательность дѣтей для объясненія этихъ явленій.

Пациентъ самъ различалъ у себя два вида насильственныхъ явленій: во-первыхъ, понужденіе къ молитвѣ, во-вторыхъ, понужденіе детально разглядывать каждую вещь и затѣмъ размышлять объ ея возникновеніи, при готовленіи, составѣ и проч. Онъ говорилъ, что подверженъ всему этому съ дѣтства; иногда это на болѣе или менѣе продолжительное время проходить, но потомъ опять возвращается. Анализъ показалъ, что онъ будучи мальчикомъ нѣсколько разъ подвергался искушенію обнажать лицъ, съ которыми вмѣстѣ спалъ. Весь его интересъ концентрировался на разглядываніи половыхъ

¹⁾ „Очерки ученія о неврозахъ“, стр. 124.

сп. Рринг
Леонардо
99 - Витини.
стр 28-31.
из 30 стр

и сѣдалищныхъ частей, на дѣторожденіи и т. п. Въ виду насильственныхъ пріемовъ, которыми онъ старался удовлетворить свое, несомнѣнно, болѣзненное любопытство, онъ постоянно упрекалъ себя и началъ поэтому молиться Богу, чтобы Онъ помогъ ему исправиться. Молитва приняла вскорѣ вынужденный характеръ; Онъ составлялъ себѣ цѣлые списки грѣховъ и читалъ ихъ, когда только могъ, боясь пропустить хоть одно слово. Вмѣстѣ съ молитвой у него развилось по-
нужденіе къ детальному разглядыванію вещей. Анализъ показалъ, что разглядываніе это заняло для паціента мѣсто грѣховнаго, по его мнѣнію, разглядыванія опредѣленныхъ частей тѣла. Характерно при этомъ то, что больше всего его интересовала задняя сторона вещей и способъ ихъ изготовленія. Въ размышленіи объ ихъ происхожденіи и заключался противовѣсъ мыслямъ о дѣторожденіи. Аффектъ страха, какъ зачастую въ такихъ случаяхъ, „транспонировался“ на индифферентныя представленія. То, что интересуется cadaго подрастающаго ребенка и что въ такой ненормальной степени занимало умъ этого мальчика, есть та самая тема, которая въ мифологіи именуется антропогоніей.

Рожденіе человѣка, возникновеніе новаго живого существа заключаетъ въ себѣ столько загадочнаго, что эти явленія уже по одному

этому съ самаго начала должны привлекать къ себѣ особый интересъ человѣка и давать поводъ къ миеообразованію. Эпохѣ, чуждой еще естественно-научному воззрѣнію, дѣторожденіе должно было казаться чудомъ. Этому предположенію мы можемъ дать еще одно существенное обоснованіе. Всюду въ миеологіи, въ вѣрѣ въ чудеса и т. д. Большую роль играетъ волшебный жезлъ. Не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію (по нѣкоторымъ соображеніямъ я не могу касаться этого детально), что волшебный жезлъ есть не что иное, какъ символическое изображеніе мужского полового органа. Аналогичный же символъ, сукъ дерева, бурящій въ дискѣ, является центральнымъ пунктомъ древнѣйшей версіи миеа о Прометееѣ. До сихъ поръ я не обращалъ еще вниманія на одно примѣчательное свойство миеа о Прометееѣ: это то, что миеѣ этотъ чисто мужской. Воспроизводящій человѣкъ, хотя и выступаетъ въ немъ въ конкретной формѣ (Праманта), но то же замаскировано символикой. Женщина изображается лишь при помощи символа деревяннаго диска и упоминается въ миеѣ лишь вскользь. Выше мы сдѣлали выводъ, что миеѣ о Прометееѣ въ его древнѣйшей формѣ представляетъ собою апофеозъ способности къ продолженію рода. Здѣсь это воззрѣніе получаетъ полное подтвержденіе. Миеѣ о Прометееѣ въ его древнѣй-

шей формѣ имѣть тенденцію къ провозглашенію принципомъ всего живущаго мужской способности къ воспроизведенію.

XI.

Анализъ миеа о происхожденіи божественнаго напитка.

Съ миеомъ о происхожденіи огня, который мы теперь съ большимъ правомъ можемъ назвать миеомъ о возникновеніи рода человѣческаго, тѣсно связанъ миеъ о происхожденіи божественнаго напитка. Мы на это уже разъ указывали, но до сихъ поръ не касались анализа этого миеа. Согласно вышеизложенному мы можемъ ожидать, что два миеа, находящіеся другъ съ другомъ въ тѣсной связи, имѣютъ также и одну общую тенденцію. Руководствомъ къ анализу миеа о божественномъ напиткѣ послужить намъ опять-таки капитальный трудъ Куна. Въ извѣстномъ пунктѣ, однако, мы должны будемъ пойти собственнымъ путемъ.

Божественный напитокъ въ древнѣйшихъ индусскихъ источникахъ носить названіе „амрта“, въ болѣе позднихъ „сома“, въ Зендавестѣ—„гаома“. Изъ греческой мифологіи намъ извѣстны наименованія: нектаръ и амброзія. Божественному напитку приписываютъ

ся различныя чудесныя и загадочныя свойства: онъ оживляетъ, вдохновляетъ, сообщаетъ безсмертіе. Послѣднее свойство выражено въ словѣ „амрта“ и въ этимологически соотвѣтствующемъ ему „амброзія“, „нектаръ“ имѣетъ также аналогичный смыслъ.

Поскольку достовѣрны наши свѣдѣнія, всѣ народы изготавляли наркотическіе напитки, употребленіе которыхъ вызываетъ общеизвѣстныя иллюзорныя чувства. Человѣкъ чувствуетъ себя въ повышенномъ настроеніи, онъ воодушевленъ, бодръ; въ то же время напитокъ сообщаетъ ему особое возбужденіе и раздражаетъ его половой инстинктъ. Культы Діониса носятъ всѣ одновременно и эротическій характеръ. Такимъ образомъ, напитокъ вызываетъ въ человѣкѣ огонь въ двоякомъ смыслѣ: внутренній жаръ и огонь любви. Опыняющій напитокъ добывался путемъ выжиманія соковъ изъ нѣкоторыхъ растений. Изъ числа ихъ насъ особенно интересуетъ ясень (и рябина), то самое дерево, стволъ котораго служилъ для добыванія огня. Изъ вѣтвей его выжимается сокъ, носящій названіе „сома“.

Наряду съ земной „сома“ миөъ знаетъ еще небесную; обѣ идентифицировались въ немъ, совсѣмъ какъ земной и небесный огонь въ миөѣ о Прометееѣ. На землѣ сома и огонь добываются изъ ясеня. Подобно тому какъ въ

миѣ о Прометѣй небесный огонь возжигается изъ ясеня вселенной (облака), такъ и небесная сома получается изъ ясеня вселенной. Она добывается при помощи буренія ствола этого дерева (т.-е. облака). Земная сома — та же небесная, спустившаяся на землю съ небеснаго ясеня. Ее принесла на землю птица, живущая въ вѣтвяхъ ясеня. Аналогія съ миѣомъ объ огнѣ очевидна сама собой. Какъ небесный огонь отнимаетъ собою свѣтъ солнца и молніи, такъ и небесная сома имѣетъ нѣсколько значеній; она одновременно и роса и дождь и, наконецъ, напитокъ боговъ. Небесное дерево описывается въ нѣкоторыхъ миѣахъ очень подробно. Его корни находятся въ моряхъ; у подошвы его бьютъ родники, посылающіе влагу на землю въ видѣ дождя. Съ вѣтвей его падаетъ роса ¹⁾.

Выше мы констатировали, что въ древнѣйшемъ наслоеніи миѣа о Прометѣй возжиганіе земного и небеснаго огня служить только для

¹⁾ Другое представленіе, встрѣчающееся въ индо-германскихъ миѣахъ видѣло въ облакахъ мчавшагося коня, съ гривы котораго стекала на землю роса. Изъ этого облачнаго коня, носителя небесной сомы, вышелъ въ греческой миѣологіи крылатый конь Пегасъ. Съ другой стороны, въ быстро мчавшихся по небу облакахъ видѣли преслѣдующихъ Эриній. Отсюда же происходятъ миѣы о дикомъ войскѣ и т. п. въ германской миѣологіи.

символическаго изображенія процесса дѣторожденія. Съ полнымъ основаніемъ мы можемъ предположить, что и земная и небесная сома являются символами чего-то третьяго, намъ пока еще неизвѣстнаго. Хотя скрытый смыслъ здѣсь и довольно легко можетъ быть истолкованъ, Кунъ оставилъ его нераскрытымъ. Мы должны поэтому продолжить анализъ Куна, чтобы выяснитъ третье значеніе сомы, наиболѣе важное, такъ какъ оно является, безспорно, первоначальнымъ.

Небесная сома добывается путемъ буренія въ облакѣ,—т.е. путемъ процесса, символизирующаго дѣторожденіе. Мнѣ кажется поэтому вполне допустимымъ предположеніе, что сома есть символъ человѣческаго сѣмени. Сѣмя обладаетъ оживляющимъ свойствомъ; способствуя продолженію рода, оно даруетъ безсмертіе. Оно дѣйствуетъ оплодотворяюще, какъ небесная сома, которая въ видѣ росы и дождя падаетъ на землю. Мы понимаемъ теперь, почему миѣ о происхожденіи огня и божественнаго напитка такъ тѣсно связаны между собой. Органы, служащія для продолженія рода, и сѣмя другъ отъ друга неотдѣлимы.

Поверхъ этого древнѣйшаго слоя миѣа, сексуальный смыслъ котораго очевиденъ, расположенъ—совсѣмъ какъ въ миѣѣ о Прометѣѣ—второй слой. Онъ отличается и въ этомъ слу-

чаѣ отъ перваго персонификаціей явленій природы, т. е. появленіемъ человѣкоподобныхъ боговъ и, кромѣ того, усиленнымъ отодвиганіемъ сексуальнаго элемента. Мы находимъ здѣсь полубожественное существо, посящее имя Сомы. Сомы -геній силы и зарожденія; наше предположеніе объ истинной природѣ сомы находитъ здѣсь полное подтвержденіе. Въ нѣкоторыхъ мифахъ мѣсто Сомы занимаетъ уже знакомый намъ Агни.

Чрезвычайно интересно припомнить здѣсь еще одинъ греческій мифъ, въ которомъ сохранилось представленіе о полученіи божественнаго напитка при помощи буренія, особенно потому, что онъ облегчаетъ намъ пониманіе древнѣйшаго слоя мифа о сомѣ. Зевсъ хотеть пробраться къ Персефонѣ, скрывающейся въ облакѣ горы. Онъ превращается для этого въ змѣя и пробивается черезъ толщу горы. Эта сексуальная символика понятна безъ дальнѣйшихъ поясненій. Изъ связи Зевса и Персефоны рождается Діонисъ, богъ вина, — персонификація божественнаго напитка. Діониса вскармливаютъ глады; послѣднія, въ качествѣ богинь дождя, олицетворяютъ также небесную сому.

Зевсу греческой мифологіи соотвѣтствуетъ Индра индусской. Онъ тоже богъ яснаго, непокрытаго облаками неба. И онъ играетъ важную роль въ мифѣ о Сомѣ. Онъ становится

его похитителемъ. Какъ въ третьемъ слѣбъ мифа о Прометѣѣ Матарихванъ похищаетъ Агни, такъ Индра похищаетъ Сому изъ пещеры, въ которой его сторожатъ гандгарвы ¹⁾. Это похищеніе Индра совершаетъ въ образѣ сокола. Въ многихъ мифахъ похищеніе Сомы приписывается Агни, которой тоже превращается для этого въ птицу. Мы уже видѣли Агни въ роли птицы, похищающей огонь. Теперь онъ похищаетъ Сому: въ этомъ, несомнѣнно, чрезвычайно наглядная идентификація. Соколу приходится вести борьбу съ гандгарвами изъ-за обладанія Сомой. Въ борьбѣ онъ теряетъ перо, которое падаетъ на землю и превращается въ растеніе—сома. Совершенно аналогичный эпизодъ мы видѣли при анализѣ мифа о Прометѣѣ. Подобно ему, и мифъ о Сомѣ настолько искаженъ въ своемъ третьемъ наслоеніи, что явное его содержаніе совершенно не содержитъ уже признаковъ сексуальнаго элемента.

Разобравшись детальнѣе въ значеніи растенія „сома“, мы найдемъ новые доказательства идентичности сомы съ человѣческимъ сѣменемъ. Вѣтвь дерева сома, символизирующая мужской половой органъ, обладаетъ чудесными свойствами. Она даетъ не только напитокъ

¹⁾ Въ другой своей работѣ Кунъ доказалъ, что изъ гандгарвовъ, демоновъ, произошли кентавры греческой мифологіи.

сома; она служить, кромѣ того, для различныхъ обрядовъ и церемоній. Съ рябины срѣзается посохъ, помогающій между прочимъ, отыскивать подземныя воды. По древнему обычаю пастухи ударяли весной скотъ вѣткой рябины,—это должно было повысить плодовитость и количество приносимаго скотомъ молока. Вѣтъ дерева сома превращается иногда въ жезлъ: мы знаемъ жезлъ Гермеса и Тиро, которымъ Діонисъ выбиваетъ вино изъ скалы. Выше мы упоминали о библейскомъ разсказѣ, въ которомъ Моисей своимъ чудеснымъ посохомъ добываетъ изъ скалы воду; символическое значеніе этого посоха станетъ еще яснѣе, если мы вспомнимъ, что онъ на глазахъ фараона превращался въ змѣю.

Изъ многочисленныхъ и разнообразныхъ функций ясеня въ мѣсахъ и обрядахъ насъ особенно интересуетъ еще одна. Изъ ясеня изготовлялась мутовка, служившая для приготовления масла. Мувка предохраняла отъ разнаго рода волшебныхъ чаръ. Судя по различнымъ источникамъ, мы можемъ сказать съ достовѣрностью, что процессъ приготовления масла аналогично добыванію огня сопоставлялся съ процессомъ дѣторожденія и символически заступалъ его мѣсто; не подлежитъ сомнѣнію, далѣе, что продуктъ этого процесса, масло, сопоставлялся съ сѣменемъ, а также и съ сомой. Одинъ разсказъ изъ

Магабгараты описываетъ полученіе сомы, какъ процессъ, аналогичный приготовленію масла. Я привожу его здѣсь вкратцѣ, основываясь на изложеніи Куна ¹⁾. Боги, нуждающіеся въ амртѣ и азурѣ (злые духи) хотятъ воспользоваться горой Мандара, какъ мутовкой, чтобы взболтать при помощи ея океанъ. Индра обвиваетъ гору змѣей Вазуки, какъ веревкой; боги и азурѣ начинаютъ тянуть. Изъ пасти змѣи вылетаетъ дымъ и огонь; они сгущаются въ облака, осыпаютъ боговъ молніей и заливаютъ дождемъ. Въ это время деревья, стоящія на вершинѣ горы и трущіяся другъ объ друга, загораются, и пламя окутываетъ гору, все равно какъ молнія темное облако. Индра тушитъ огонь дождемъ; всѣ соки огромныхъ деревьевъ и растений стекаютъ въ море; изъ воды, смѣшавшейся такимъ образомъ съ благоуханными соками и ставшей густой, какъ масло, подымается Сомъ, отождествленный въ этомъ миѳѣ съ луной, а вмѣстѣ съ нимъ еще нѣкоторыя миѳическія существа; послѣднимъ является Данвантари, держа въ рукахъ бѣлую чашу, въ которой находится амрта. Боги и азурѣ сражаются изъ за нея; побѣда остается за первыми.

Древній индусскій эпосъ содержитъ еще и

¹⁾ Кунъ. Происхожденіе огня. Стр. 219.

другіе миѡы о добываніи амрты. Ни одинъ изъ нихъ не противорѣчитъ указанному мною значенію Сомы. Каждое изъ трехъ наслоеній, которыя мы намѣтили въ миѡѣ, содержитъ въ себѣ осуществленіе желанія, аналогичное таковому же въ соотвѣтственномъ наслоеніи миѡа о Прометеѣ. Какъ тамъ дѣторожденіе или служащій для него органъ, такъ здѣсь сѣмя торжествуетъ первоначально свой апоѡеозъ. Благодаря отодвиганію сексуальнаго элемента, сѣмя превращается постепенно въ божественный напитокъ. Онъ становится даромъ добраго бога людямъ. Миѡѣ о Сомѣ претерпѣваетъ, слѣдовательно, тѣ же модификаціи, что и миѡѣ о Прометеѣ и сводится, какъ и тотъ, къ явному, не сексуальному осуществленію желанія.

XII.

Теорія осуществленія желанія въ миѡѣ.

Я попытался на основаніи психологическихъ наблюденій составить теорію происхожденія миѡа и путемъ детальнаго анализа характерныхъ примѣровъ дать ей извѣстную опору. Мы должны теперь разсмотрѣть взаимоотношеніе этой теоріи съ другими миѡологическими ученіями.

Старѣйшая и, какъ мнѣ кажется, еще и

теперь наиболѣе распространенная теорія утверждаетъ, что миөъ служить образнымъ выраженіемъ философско-религіозныхъ идей. По общераспространенному воззрѣнію идеи эти образуютъ своего рода фундаментъ духовной жизни человѣка. Я не могу согласиться съ этимъ воззрѣніемъ. Насколько маловѣроятно, что ребенокъ является на свѣтъ во всеоружіи альтруистической этики, настолько же неправдоподобно, что люди доисторической эпохи носили въ себѣ эти философскія и религіозныя идеи и въ послѣдствіи символизировали ихъ въ миөахъ. Необходимъ былъ безконечно долгій процессъ отодвиганія и вытѣсненія, прежде нежели такая этика стала полнымъ достояніемъ народа; этотъ процессъ отодвиганія повторяется и теперь еще въ небольшомъ масштабѣ у каждаго индивидуума. Нашъ анализъ миөа о Прометеевѣ показалъ, что единственная составная часть, содержащая этико-религіозную идею,—воззрѣніе на Прометея, какъ на существо, заботящееся о человѣкѣ,—носитъ второстепенный характеръ и относится къ болѣе позднему времени, между тѣмъ какъ истиннымъ базисомъ миөа служатъ идеи и желанія совершенно другого рода. Какъ Фрейдъ относительно миөа объ Одиссеѣ, такъ доказалъ и я относительно миөа о Прометеевѣ, что источникомъ его служить не эти-

ческое, религіозное или философское воззрѣніе, а сексуальная фантазія чловѣка. { Этико-религіозные элементы міа я считаю позднѣйшими наслоеніями, продуктами процесса отодвиганія и вытѣсненія. Другіе міа, которыхъ я, къ сожалѣнію, не могъ коснуться изъ-за недостатка мѣста, говорятъ, насколько мнѣ кажется, категорически въ пользу этого взгляда.

Когда полвѣка назадъ Кунъ положилъ начало сравнительной міеологіи, эта молодая наука прежде всего опровергла старое воззрѣніе о происхожденіи міаовъ. Съ особенной опредѣленностью высказался тогда Дельбрюкъ ¹⁾. Онъ утверждалъ, что каждый міа имѣетъ въ основѣ своей какое-либо воззрѣніе на явленіе природы. Міа, по его мнѣнію, есть наивная попытка объясненія какого-либо явленія природы. Въ міа имѣются явные слѣды эволюціи. Каждый міа долженъ сравниваться со родственными ему по содержанію міаами другихъ народовъ.

2) Одна современная теорія пытается свести всѣ міа семитскихъ и индогерманскихъ народовъ къ одному источнику: къ воззрѣніямъ этихъ народовъ на небесныя свѣтила. Новѣйшія изслѣдованія показали, что роди-

¹⁾ Дельбрюкъ. Происхожденіе міаовъ у индогерманскихъ народовъ. 1865 г.

ной астрономіи является Вавилонія и что очень многіе миөы содержатъ въ себѣ указанія на вавилонскіе источники. Это такъ называемая, астральная теорія. Для ознакомленія съ ней я рекомендую небольшую работу Винклера ¹⁾.

Если источникомъ каждаго миөа и считать какое-либо воззрѣніе на явленія природы, если и видѣть въ немъ только выраженіе астрономическихъ воззрѣній, то все же въ одномъ отношеніи теорія эта неудовлетворительна. Она не даетъ намъ никакого представленія о мотивахъ миөообразованія. Она не учитываетъ эгоцентричности всѣхъ созданий фантазіи человѣка. Вполнѣ возможно, что астрономическія воззрѣнія имѣли огромное вліяніе на внѣшнее формированіе миөовъ, но ихъ значеніе все же второстепенно. И для сновидѣнія служатъ матеріаломъ всѣ наблюденія, воспринятія субъектомъ изъ внѣшняго міра; они образуютъ даже, повидимому, существенное содержаніе сновидѣнія. Субъектъ пользуется этимъ матеріаломъ потому, что находитъ въ немъ аналогіи своему „я“; онъ служитъ ему символическимъ замаскированіемъ его фантазіи и желаній. Для той же цѣли пользуется и народъ астро-

¹⁾ Винклеръ. Картина мірозданія вавилонянь, какъ основа міросозерцанія и миөологіи всѣхъ народовъ. Лейпцигъ, 1902.

номическими наблюденіями. Онъ переноситъ свои фантазіи на небо. Въ центрѣ его міровъ стоитъ онъ самъ, народъ; онъ переживаетъ въ нихъ осуществленіе своихъ желаній.

Теорія осуществленія желаній въ міаѣ весьма легко можетъ быть расширена въ таковую же теорію относительно религіи. Первоначальная идентификація человѣка съ его богомъ стала и въ міаѣ и въ религіи едва различимой. Благодаря продолжительному процессу отодвиганія монотеистическіе народы научились подчинять себя Богу, какъ своему Творцу. Если постепенныя крупныя измѣненія привели къ тому, что человѣкъ сталъ смотрѣть на Единого Бога, какъ на Отца,—не зарождающаго, а заботящагося,—то въ этомъ опять-таки заложено желаніе, коренящееся въ дѣтской грезѣ. Это то самое желаніе, ради котораго греки считали Прометея „заботящимся“. Человѣкъ хочетъ имѣть высшее существо, которое заботилось бы о немъ; онъ переноситъ свое желаніе на небо: тамъ долженъ быть заботящійся о всѣхъ людяхъ отецъ.

При помощи теоріи осуществленія желаній я попытался объяснить происхожденіе и модификаціи міаа. Мнѣ остается только коснуться еще вопроса о гибели міаа. Что міаа исчезаютъ, — это фактъ хорошо извѣстный;

въ немъ имѣется, однако, еще одна лишняя аналогія со сновидѣніемъ. Каждое сновидѣніе исчезаетъ то быстрѣе, то медленнѣе. При этомъ не происходитъ, однако, абсолютнаго забыванія: просто напросто элементы сновидѣнія снова подвергаются отодвиганію. Подобно этому бываютъ времена, когда и народъ забываетъ свои миѡы. Для каждаго народа наступаетъ моментъ, когда онъ освобождается отъ традицій: на мѣсто старыхъ созданій фантазіи становится трезвое міросозерцаніе. Эволюціи этой способствуетъ, либо прогрессирующее познаніе законовъ природы, либо общая ситуация народа, удовлетворяющая его комплексъ величія. Въ этомъ обратномъ процессѣ принимаютъ участіе и другіе продукты народной фантазіи,—между прочимъ и ²символика языка. Сексуальная символика языка не идетъ дальше,—наоборотъ, нѣкоторые символы исчезаютъ. Дальше всего пошелъ въ этомъ направленіи англійскій языкъ. Въ немъ почти безслѣдно исчезли родовыя различія. Филологическая и миѡологическая символика не представляютъ собой, очевидно, адекватной формы выраженія для современнаго народнаго духа,—въ особенности англійскаго. Практическіе успѣхи дѣлаютъ излишними всякія созданія фантазіей желанія. Иначе обстоитъ дѣло у народовъ, далекихъ отъ реализаціи національнаго комплекса величія.

Они сохранили въ теченіе долгихъ вѣковъ желанія, созданныя народной фантазіей въ эпоху его ранняго дѣтства. Достаточно указать на идеи объ избранномъ народѣ и объ обфтованной землѣ.

Современное естествознаніе называетъ „основнымъ біогенетическимъ закономъ“ тотъ фактъ, что развитіе индивидуума представляетъ собою суммарное повтореніе развитія рода. Въ громадныя промежутки филогенезиса каждый родъ претерпѣвалъ постепенно различныя физическія измѣненія. Всѣ эти стадіи эволюціи долженъ пройти въ своемъ развитіи и индивидуумъ. Въ духовной сферѣ тоже происходитъ у индивидуума процессъ, повторяющій филогенетическую эволюцію. Мы познакомились съ различными явленіями, которыя присущи до нѣкоторой степени духовной жизни и массы и индивидуума. Но важнѣйшая параллель въ этомъ отношеніи для насъ все-таки слѣдующая.—Въ доисторическую эпоху народъ перерабатываетъ свои желанія въ созданія фантазіи, которыя въ формѣ мифовъ переходятъ въ историческую эпоху. Точно такъ же и индивидуумъ превращаетъ въ „доисторическій періодъ“ свои желанія въ созданія фантазіи, которыя воспроизводятся, затѣмъ въ сновидѣніяхъ „историческаго“ періода. Такимъ образомъ мифъ есть сохранившійся отрывокъ дѣтской,

духовной жизни народа, а сновидѣніе—миоъ индивидуума.

ХІІІ.

Силы, обуславливающія душевную жизнь индивидуума и массы.

Аналитическое изслѣдованіе, принципы котораго содержатся въ трудахъ Фрейда, простирается на явленія нормальной и патологической душевной жизни, индивидуальной и народной патологии. Во всѣхъ этихъ областяхъ ему удастся доказать, что каждое психическое явленіе обусловлено извѣстными, вполне опредѣленными причинами. Вѣра въ откровеніе не нуждается теперь въ опроверженіи. Наше оружіе должно быть направлено въ другую сторону. До сихъ поръ чрезвычайно распространенъ и даже иногда научно обоснованъ тотъ взглядъ, что въ области психики господствуетъ случайность. Человѣкъ противится признавать обуславливаемость извѣстными психическими факторами всѣхъ безчисленныхъ явленій повседневной жизни, всѣхъ этихъ обмолвокъ, ошибокъ, забываній, содержанія сновидѣній, индивидуальныхъ проявленій душевнаго расстройства и проч. и проч. Это старая, дуалистическая точка зрѣнія. Она отводитъ психиче-

скимъ явленіямъ особое мѣсто, изымая ихъ изъ подчиненія естественно-научнымъ законамъ. Воззрѣніе, видящее случайность въ психологическихъ явленіяхъ, недостаточно уже потому, что оно совершенно не приспособлено къ индивидуальнымъ явленіямъ душевной жизни. Для нихъ мы имѣемъ ученіе Фрейда. Ученіе это рассматриваетъ каждое психическое явленіе, какъ слѣдствіе, и ищетъ его специфической психологической причины. Детерминирующія силы въ психической жизни—вотъ объектъ этого метода научнаго изслѣдованія.

Въ качествѣ первой такой силы, обуславливающей дальнѣйшую психическую жизнь, ребенокъ приноситъ съ собой на свѣтъ Божій свое предрасположеніе. Та сторона послѣдняго, которая въ первую голову должна учитываться при объясненіи всѣхъ созданій фантазій, можетъ быть опредѣлена, какъ психосексуальная конституція. Въ наиболѣе чистой формѣ она проявляется въ дѣтствѣ, пока не начался еще процессъ отодвиганія и вытѣсненія. Въ то время какъ ребенокъ старается перенести свои склонности на опредѣленные живые и мертвые объекты и отклонить ихъ отъ другихъ,—на него начинается дѣйствовать вліяніе воспитанія, среды и пр. и заставляетъ его отодвинуть, оттѣснить часть его естественныхъ побужденій,—въ первую

голову, сексуальныхъ. Наряду съ прирожденными склонностями громадное детерминирующее вліяніе оказываютъ и отодвинутыя половые инфантилизмы. Психическій матеріалъ дѣтства встрѣчается во всѣхъ созданіяхъ фантазіи. Воспоминанія позднѣйшей жизни служатъ уже третьимъ обусловливающимъ элементомъ. Они тоже въ большей своей части подвергаются отодвиганію. Воспоминанія, оттѣсненныя изъ живой памяти, считаются обычно вообще несуществующими. Только Фрейдъ понялъ и оцѣнилъ въ полной мѣрѣ значеніе процесса отодвиганія и детерминирующее вліяніе оттѣсненнаго психическаго матеріала.

Въ сферѣ психическаго нѣтъ ничего случайнаго. То, что на первый взглядъ кажется продуктомъ случая, имѣетъ на самомъ дѣлѣ свой глубочайшій источникъ въ прирожденныхъ склонностяхъ и въ отодвиганіи сексуальнаго элемента. Переживанія послѣдѣтскаго періода представляютъ собой какъ бы притоки, впадающіе въ это главное русло. Если среди этихъ детерминирующихъ силъ мы отводимъ такую важную роль сексуальности, то въ этомъ отнюдь нѣтъ преувеличенія значенія послѣдней. Всюду въ органической жизни находимъ мы въ качествѣ высшаго принципа подчиненіе поддержанія жизни индивидуума поддержанію жизни рода.

Инстинктъ, служащій поддержанію рода, долженъ быть наисильнѣйшимъ. Иначе родъ неминуемо долженъ погибнуть.

Аналитическое изслѣдованіе по методу Фрейда подвергается еще и теперь ожесточеннымъ нападкамъ критики. Оно раздѣляетъ эту участь съ одной изъ развѣтвленій филологіи, — этимологіей. Про послѣднюю когда-то говорили, будто она характеризуется тѣмъ, что гласныя не играютъ въ ней никакой роли, а согласныя самую ничтожную. Тѣмъ не менѣе словотолкованіе, находящееся на научномъ базисѣ, все же пробиваетъ себѣ дорогу; оно по праву носитъ наименованіе науки „истины“, т.-е. истинной сущности элементовъ рѣчи. Ученіе Фрейда—это этимологія психическихъ явленій. И оно пробьетъ себѣ дорогу, хотя бы это стоило ей тяжелой борьбы съ предразсудками и предубѣжденіями современной науки.

К-во „СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ“.

Москва, Садовники, домъ № 9. Телефонъ 177-14.

I. Отдѣлъ научный и научно-общественный.

Фредерикъ Массонъ. Томъ I. Наполеонъ и женщины. Ц. 2 руб.

Т. П. Наполеонъ въ интимной жизни.

Т. III. Юность Наполеона.

Прив.-доц. В. М. Фриче. Западно-европейская литература XIX вѣка.

Т. I. Краткое содержаніе: Романтизмъ и его разложеніе. Англія, Франція, Германія, Испанія и Скандинавія. Цѣна 2 р. (печ.).

Д-ръ Н. Котикъ. Непосредственная передача мыслей. Экспериментальное изслѣдованіе. 2-ое дополненное изд. Ц. 1 р. 25 к.

„Поразительные выводы автора открываютъ новые, въ настоящее время почти необозримые горизонты“.

„Marz“ № 14, 1909 (Dr. Bergmahr).

Д-ръ Карлъ Абрагамъ. Сонъ и мнѣя. Ц. 50 коп.

Проф. Зигмундъ Фрейдъ. Леонардо да-Винчи. Ц. 50 коп.

Проф. Зигмундъ Фрейдъ. Психопатологія обыденной жизни. Ц. 1 р.

„Содержаніе: Забываніе собственныхъ именъ. Забываніе иностранныхъ словъ. Забываніе именъ и словосочетаній. О воспоминанійхъ дѣтства и о воспоминанійхъ, служащихъ прикрытіемъ. Обмолвки. Очистки и описки. Забываніе впечатлѣній и намѣреній. Дѣйствія, совершаемыя по ошибкѣ. Симптоматическія и случайныя дѣйствія. Ошибки. Комбинированныя дефектныя дѣйствія. Детерминизмъ. Вѣра въ случайности и суевѣрія. Общее замѣчаніе.“

Д-ръ А. Вигуру. Психическая зараза. Съ предисловіемъ проф. Ф. Рыбакова. Цѣна 1 руб.

Проф. Эрнстъ Махъ. Принципы сохраненія энергій. Цѣна 30 к.

Проф. Максъ Ферворнъ. Естествознаніе и міросозерцаніе. — Проблема жизни. (Двѣ лекціи). Цѣна 50 к.

Проф. Максъ Ферворнъ. Вопросъ о границахъ познанія. Цѣна 30 к.

„Достоинство брошюры—въ большомъ мастерствѣ популярнаго изложенія“.

(„Р. Вѣд.“ 1909 г.).

Проф. Паоло Мантегацца. Современные женщины. 2-е изд. Ц. 1 р.

Проф. В. Оствальдъ. Насущная потребность. Переводъ редакцій и съ предисловіемъ проф. А. Сапожникова. В. I. Ц. 1 р. 25 к.

Проф. I. Гоассъ. Диагностика и терапія желудочныхъ болѣзней. Т. I Ц. 2 р. 50 к. (Печ.). Т. II. (Готовится къ печати).

Проф. Гертвигъ. Учебникъ зоологіи, т. I. Переводъ подъ редакціей съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. Моск. Университета Г. А. Кожевникова. Ц. 1 р. 50 к. (т. II печ.).

Д-ръ I. Ф. Гейтлеръ. Электромагнитныя колебанія и волны. Перев., разрѣшен. авторомъ. Подъ редакц. и съ предисл. лаборанта Имп. Техн. учил. В. С. Швецова. Ц. 1 р. 25 к. (въ переплетѣ).

П. Эрлихъ и С. Хата. Экспериментальная химіотерапія спирит-лезныхъ заболѣваній. Ц. 1 р. 25 к.

Д-ръ Симонъ. Гигіена женщины. Перев., разрѣш. авторомъ. Съ предисловіемъ проф. Моск. Университета Н. И. Побѣдинскаго. Ц. 2р.

И. Ремсенъ. Неорганическая химія. Самостоятельная обработка проф. К. Зейберга. Подъ редакц. проф. Имп. Техн. Училища Н. А. Шилова. (печ.).

Для родителей и педагоговъ.

Проф. Оппенгеймъ. Воспитаніе и нервное страданіе дѣтей. Ц. 30 к.
„Докладъ заслуживаетъ широкаго вниманія интеллигентныхъ родителей“.

Марія Лишневская. Половое воспитаніе дѣтей. 2-е изданіе. Ц. 30 к.
„Брошюра Маріи Лишневской можетъ сослужить всему человѣчеству громадную пользу“.

Элленъ Кей. Мать и дитя. Цѣна 30 к.
„Небольшую работу Элленъ Кей мы горячо рекомендуемъ вниманію нашихъ читателей. Брошюра написана сжато, конспективно, но очень живо и ярко. Перев. сдѣланъ хорошими, вполне литературнымъ языкомъ“.

Проф. А. фонъ-Штрюмпель. Нервность и воспитаніе. Переводъ, разрѣшенный авторомъ. Цѣна 30 к.

Д-ръ Л. Левенфельдъ. О сексуальной конституціи и другихъ сексуальныхъ проблемахъ.

Проф. Францъ фонъ-Винкель. Общая гинекологія. Переводъ, разрѣшенный авторомъ. Съ предисловіемъ проф. Моск. Университета Н. И. Побѣдинскаго. Цѣна 3 р., въ переплетъ 3 р. 50 к.

Д-ръ С. Рабовъ. Проф. Лозанскаго Ун. Карманная рецептура и фармакопоя. 3-е изд. Ц. 1 р. (въ переплетъ).

Проф. МАКСЪ ФЕРВОРНЪ.

Докторъ медицины и философіи, профессоръ физиологіи и директоръ физиологическаго института Геттингенскаго университета.

Собраніе сочиненій.

Авторизованный переводъ подъ редакціей, съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. Моск. У-та Г. А. Кожевникова.

Томъ I. **ОБЩАЯ ФИЗИОЛОГІЯ.** Основы ученія о жизни. Выпускъ первый. Ц. 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р.

Томъ II. **ОБЩАЯ ФИЗИОЛОГІЯ.** Выпускъ второй. Ц. 3 р., въ перепл. 3 р. 50 к.

Томъ III. **ОБЩАЯ ФИЗИОЛОГІЯ.** Выпускъ третій.

„Внимательно прочитавшій „Общую физиологію“ читатель обогатитъ себя громаднымъ запасомъ фактическихъ знаній, которые будутъ восприняты постепенно, безъ особаго труда, не смотря на то, что многіе затронутые вопросы весьма сложны“.

(Изъ предисловія проф. Г. А. Кожевникова).

Томъ IV. **РЪЧИ и СТАТЬИ.**

Содержаніе: Предисловіе. Естествознаніе и міросозерцаніе. Принципіальные вопросы въ естествознаніи, Механика душевной жизни. Вопросъ о границахъ искусства, Проблемы жизни. Задачи физиологическаго преподаванія. 328 стр. Ц. 2 руб.

„Ферворнъ, физиологъ по специальности, послѣдніе годы тяготеетъ къ двумъ философскимъ дисциплинамъ: эстетикѣ и теоріи познанія. Въ эстетикѣ онъ принадлежитъ къ этнографической школѣ и занимается главнымъ образомъ вопросами первобытнаго искусства и творчества. Въ теоріи познанія онъ стремится въ духѣ Маха примирить естествознаніе съ психологіей. Весь сборникъ, написанный съ обычнымъ для этого блестящаго популяризатора мастерствомъ, распадается на три отдѣла, статьи по общей и частной физиологіи, по теоріи познанія и по эстетикѣ.

Къ первому отдѣлу относятся статьи: „Механика душевной жизни“.

ни", „Проблема жизни" и „Задачи физиологического преподавания", Въ „Механикъ душевной жизни" Ферворнъ старается сдѣлать въ общихъ чертахъ понятными для широкаго круга лицъ современныя воззрѣнія на физиологическіе процессы, протекающіе при явленіяхъ душевной жизни. Особенно полезны общедоступное, ясное изложеніе теоріи нейроновъ, главы о снѣ и гипнотизмѣ. „Проблема жизни" имѣетъ цѣлью показать, что изъ разсмотрѣнія жизненныхъ явленій нужно удалить неопредѣленное понятіе причинности и изучать жизнь лишь съ точки зрѣнія условнаго метода, т.-е. изучать закономерность взаимной зависимости процессовъ. Въ „Задачахъ физиологическаго преподаванія" Ферворнъ признаетъ, — что весьма знаменательно для спеціалиста физиолога, невозможность для физиологій обойтись безъ психологическихъ данныхъ и терминовъ. Но несомнѣнно, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше будетъ область, отвоеванная физиологіей у психологій. Къ гносеологическому отдѣлу относятся статьи: „Вопросъ о границахъ познанія", „Естествознаніе и міросозерцаніе", Принципіальные вопросы въ естествознаніи". Общая ихъ мысль такова: Ферворнъ настаиваетъ на условномъ пониманіи міра, согласно которому въ научномъ изслѣдованіи слѣдуетъ устранить понятія „причинности" и „силы" и замѣнить ихъ простымъ описаніемъ послѣдовательности явленій. Проблема сознанія и проблема матеріи границы познанія, которыя Дюбуа-Реймонъ объявилъ непреходимыми, приобрѣтаютъ тогда иной видъ, и принципіальная возможность познанія оказывается столь же безпредѣльной, какъ и вселенная. Къ послѣднему отдѣлу относятся статьи: „Зачатки искусства" и „Къ психологій первобытнаго искусства". Вопросъ объ искусствѣ разработанъ Ферворномъ путемъ естественно-историческаго метода: рисунки дѣтей, живопись и издѣлія первобытныхъ народовъ и ископаемаго челоука сопоставлены имъ съ генетической точки зрѣнія. Обѣ статьи богато иллюстрированы. Статьи Ферворна вѣрны прочтутся съ большимъ интересомъ и пользою. Переведена и издана книга хорошо.

(„Русскія Вѣдомости" Н. С—овъ).

Томъ V печатается.

II. ОТДѢЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КРИТИКИ.

В. Ө. Переверзевъ. Творчество Достоевскаго. Съ предисловіемъ прив.-доц. Моск. Ун. П. Н. Сакулина. Ц. 1 р. 25 к.

Фридрихъ Куммеръ. О смѣнѣ литературныхъ поколѣній и литературы, кумировъ. Перев. подъ ред. и съ предисл. П. С. Когана. Ц. 25 коп.

В. М. Фриче. Отъ Чернышевскаго къ „Вѣхамъ". Цѣна 40 коп.

В. М. Фриче. Торжество пола и гибель цивилизаціи. (По поводу книги Вейнингера „Полъ и характеръ"). Цѣна 55 к.

Людвигъ Зерингъ. Метерлинкъ, какъ философъ и поэтъ. Цѣна 60 коп.

Метерлинкъ, какъ философъ внутренней жизни.—Міросозерцаніе Метерлинка.—Стихотворенія и первыя драмы.—Драмы философа жизни.—Метерлинкъ, какъ теоретикъ искусства.

„Книга Зеринга прочтется съ большимъ интересомъ русскими поклонниками Метерлинка, тѣмъ болѣе, что наша критическая литература о немъ совсѣмъ не велика". („Одесское Обозрѣніе").

Гальфданъ Лангаардъ. Оскаръ Уайльдъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. 2-ое изданіе. Цѣна 40 коп.

ОТДѢЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Артуръ Шницлеръ. Юный Медардъ. Цѣна 1 руб.

Ари Бэрнштейнъ. Когда меня не станетъ. Цѣна 50 коп.

И. Ленггелъ. Тайфунъ. Цѣна 50 коп.

Я. Гордины. Убой. Цѣна 50 коп.

И. Бродскій. Жить надо (разказы). Ц. 1 руб.

Западные Сборники. Книга первая.

Содержаніе: Томасъ Маннъ, *Gladius Dei*. Гансъ фонъ Калинбергъ, Горбунъ. Гуго фонъ Гофмансталь, Сказка. Яковъ Вассерманъ, Старикъ. Петеръ Альтенбергъ, Революціонеръ. Феликсъ Голлендеръ, Пріемышъ. Иоганнъ Шлафъ, Другая. Цѣна 1 руб.

Западные Сборники. Книга вторая.

Сдсержаніе: Клара Фибихъ, Святой. Яковъ Вассерманъ, Королева Иоанна Кастильская. Георгъ Гиршфельдъ, Въ чужихъ рукахъ. Гергартъ Гаунтманъ, Изъ путешествія въ Грецію. Иоганнесъ Лензенъ, Луизонъ. Томасъ Маннъ, Женщина. Э. фонъ-Кейзерлингъ, Деревня. Зигфридъ Требицъ, Конецъ свѣта. Цѣна 1 руб.

Германъ Зудерманъ. Розы. Тетралогія.

Содержаніе: Лучи солнца. Марго. Прощальный визитъ. Принцесса. Цѣна 1 руб.

„БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННЫХЪ ПРОБЛЕМЪ“.

При ближайшемъ участіи Ю. И. Айхенвальда, Ю. А. Веселовскаго, П. С. Когана, Л. Козловскаго и В. М. Фриче.

Книга I. Германъ Гессе. Петеръ Каменциндъ. Романъ. Переводъ съ 50-го нѣм. изд. съ крит. очеркомъ Ю. И. Айхенвальда. Ц. 1 руб.

Книга II. Колетта Иверъ. Королевы науки. Романъ. Съ критическимъ очеркомъ П. С. Когана. Перев. съ 34-го франц. изд. Ц. 1 р. 50 к.

„Прекрасный романъ Колеты Иверъ о страданіяхъ борющейся и побѣжденной женщины-личности—новый документъ, свидѣтельствующій о безспіи современного общества разрѣшить стоящія передъ нимъ проблемы“. Изъ предисловія Когана.

„Романъ читается съ интересомъ и отвѣчаетъ на нѣкоторые вопросы современности“. („Утро Россіи“, 1910, № 108).

Книга III. Ж. Рони. Въ сѣтяхъ жизни. Романъ. Съ крит. очеркомъ Ю. И. Айхенвальда. Цѣна 1 р. 50 к.

Книга IV. Пьеръ Миалъ. Пробужденіе души. Съ крит. очеркомъ Л. Козловскаго. Цѣна 1 р.

Книга V. Анри де-Ренъе. Полуночная свадьба. Романъ. Съ крит. очеркомъ Ю. А. Веселовскаго. Цѣна 1 р.

СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ.

Германа Банга.
Піо Бароха.
Бьернстьерне-Бьернсона.
К. Валишевскаго.
Якова Вассермана.
Томаса Гарди.
Карла Гауптмана.
Густава афъ-Гейерстама.
Жориса-Карла Гюисманса.
Бласко Ибаньеса.
Маріи Конопницкой.
Генриха Манна.
Томаса Манна.
Менделе-Мойхеръ-Сфоримъ.
Джоржа Мередита.
Леона Переца.
Владислава Реймонта.
Отто Рунга.
Михаила Сивачева.
Августа Стриндберга.
Проф. Макса Ферворна.
Антоніо Фогаццаро.
Шоломъ Алейхема.
Бернара Шоу.
Жоржа Экоута.

К-ВО „СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ“. МОСКВА.

ГЕНРИХЪ МАННЪ.

Полное собраніе сочиненій 10 томовъ.

Томъ	Цѣна.
1 Діана. Ром. Пер водъ и предисловіе прив. доц. В. М. Фриче. 3-е изд.	1.—
2 Минерва. Ром. 2 изд.	1.—
3 Венера. Ром. 2 изд.	1.—
4 1) Мелкій бѣсъ. Романъ. 2) Мнаисъ и Джиневра. Новеллы.	1.—
5 Въ погонѣ за любовью. Романъ.	1.50
6 1) Чудесные. 2) Актриса.	1.—
7 Романъ изъ жизни свѣтск. людей.	1.50
8 Мечты и жизнь. Ром. ч. I-я.	1.25
9 Мечты и жизнь. Ром. ч. II-я.	1.25
10 (печат.)	—

Изъ отзывовъ печати.

„Когда съ чувствомъ стыда мы отрываемся отъ восхищенія старыми образцами искусства и посмотримъ на его (Манна) книги, въ насъ рождается надежда, что и мы будемъ вѣчно жить въ гордыхъ созданіяхъ искусства“.

Гансъ Бранденбургъ.

МИХАИЛЪ СИВАЧЕВЪ.

Собраніе сочиненій.

Томъ	Цѣн.
1 Прокрустово ложе. (Записки литературн. Макара). Кн. I-я.	1.—
2 Прокруст. ложе. Кн. 2-я	1.—
3 Цвѣты земли и неба (печ.)	1.—

Изъ отзывовъ печати:

„Въ этой книгѣ разсказана исторія жизни и мысли, — исторія исканій, житейскихъ и литературныхъ, большого литератора изъ рабочихъ, представляющая громадный общественный интересъ“.

„Рус. Вѣд“. Нояб. 90 г. № 263.

ШОЛОМЪ-АЛЕЙХЕМЪ.

Собраніе сочиненій. 10 томовъ.

Переводъ съ еврейскаго, разрѣшен. авторомъ.

Томъ	Цѣна.
1 Дѣти „черты“. Кн. пер. 2-е изд.	1.—
2 Дѣти „черты“. Кн. втор. 2-е изд.	1.—
3 Маленькіе люди. 2-е изд.	1.—
4 Записки коммивояжера	1.—
5 Неунывающіе.	1.—
6 Походженіе неудачника.	1.—

Изъ отзывовъ печати.

„Въ книгѣ Шоломъ-Алейхеа найдется много весьма поучительнаго, краснорѣчиваго во многихъ отношеніяхъ, — новаго для нашей публики“. *Юрій Веселовскій.*

БЕРНАРЪ ШОУ.

Полное собраніе сочиненій. 10 томовъ.

Томъ	Цѣна.
1 1) Справочникъ Разрушителя	1.—
2 Цезарь и Клеопатра.	1.25
3 1) Врачъ на распутьѣ.	1.—
2) Сила женщины.	1.—
4 Неразумный бракъ. Романъ.	1.50
5 Очерки	1.50
6 Солдаты изъ арміи спанія	1.—
7 Карьера одного борца. Ром.	1.50
8 У жертвенника искусства. Романъ. ч. I-я.	1.—
9 У жертвенника искусства. Романъ. ч. II-я.	1.—

Отзывъ Л. Н. Толстого.

„Весьма талантливый, интересный, бойкій писатель, быть можетъ, слишкомъ выставляющій въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ свой атеизмъ, но очень хорошо вскрывающій лицемеріе современнаго общества“.

МАРІЯ КОНОПНИЦКАЯ.

Собраніе сочиненій.

Авторизованный переводъ.

Томъ	Цѣна.
1 На Нормандскомъ берегу.	1.—
2 Мендель Гданскій	1.—
3 Милосердіе общины и др.	1.—

„Это былъ великій талантъ, многіе называютъ его гениальнымъ, и онъ безъ сомнѣнія достигалъ гениальн. и больше чѣмъ у кого либо Она была могучей и въ настоящемъ смыслѣ этого слова“.

Казиміръ Тетмайеръ.

ГЕРМАНЪ БАНГЪ.

Полное Собраніе сочиненій. 10 томовъ.

Томъ	Цѣна.
1 Михаэль. Романъ	1.—
2 Его превосходительство. Ром.	1.—
3 Тинз. Романъ.	1.—
4 Графиня Урнз. Романъ.	1.—
5 Погибшія мечты. Романъ	1.25
6 Сестра. Романъ.	1.25
7 „О любви, о счастіи и о томъ, что должно умереть“	1.—
8 Четыре дьявола и др.	1.—

„Если идти интереснымъ путемъ литературныхъ аналогій, Бангъ неминуемо приведетъ насъ къ милому имени Чехова, который съ тѣмъ же интимнымъ очарованіемъ, съ тою же большой и скорбной любовью къ людямъ, какъ и Германъ Бангъ, разсказывалъ намъ свои простыя и великія легенды объ отходящемъ уже въ тѣнь поколѣніи, „о любви, о счастіи и о томъ, что должно умереть“.

Современный міръ, № 11, 1907 г.

Психологическая библіотека.

Д-ръ Н. Котикъ. Непосредственная передача мыслей. Экспериментальное изслѣдованіе. 2-е дополненное изданіе. Цѣна 1 р. 25 к.

Проф. Зигмундъ Фрейдъ. Психопатологія обыденной жизни. Цѣна 1 р.

А. Вигуру и Жуколье. Психическая зараза, съ предисловіемъ проф. Ф. Рыбакова. Цѣна 1 р.

Проф. Зигмундъ Фрейдъ. Леонардо да Винчи. Цѣна 60 к.

Готовятся къ печати:

Д-ръ Карлъ Абрагамъ. Сексуальныя сновидѣнія.

Риклинъ. Психологія и сексуальная символика сказокъ.

Проф. Зигмундъ Фрейдъ. Толкованія сновидѣнія.
